

ОТДѢЛЪ II

ОЧЕРКИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

ОБРУСЕНИЕ ЕВРЕЕВЪ.

I.

Въ ряду задачь внутренней политики русского государства одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно занимаетъ въ наше время дѣло обрусенія иностранныхъ и иноплеменного населенія нашихъ окраинъ. Всѣ сходятся у насъ теперь на томъ, что разрозненность и враждебность различныхъ элементовъ населенія Россіи не могутъ и не должны быть долѣе терпимы, что необходимы серьезныя мѣры къ тому, чтобы сплотить въ одно гармоническое цѣлое государственное тѣло Россіи и при этомъ дать собственно-русскому элементу то первенствующее мѣсто, которое по всей справедливости и неотразимой логикѣ исторіи ему слѣдуетъ занять. Но на этомъ и оканчивается полное согласіе въ мнѣніяхъ всѣхъ русскихъ людей, къ какой бы партіи они не принадлежали. По отношенію къ непосредственно слѣдующему затѣмъ вопросу — какимъ путемъ можно достичнуть желанной цѣли — национального единства населенія Россіи, мнѣнія существенно расходятся между собой. Когда польское восстаніе въ 1863 году пробудило народное самосознаніе русского общества отъ долгаго сна, въ которомъ оно покоплось въ періодъ соцлаговой апатіи крѣпостнаго быта и политического застоя, когда притомъ расширение свободы общественной самодѣятельности и печатного слова дало возможность русскому народу громко высказать свои чувства и мысли — отовсюду послышались голоса, рѣзко осуждавшіе привилегированное положеніе, въ которое были поставлены у насъ иѣкоторыя мѣстности и народности въ ущербъ интересамъ кореннаго русского люда, и требовавшіе энергическихъ мѣръ къ подчиненію всего чужого вліянію русского элемента. Но въ есте-

ственномъ и легко объяснимомъ порывѣ увлеченія идеей о народности и раздраженія противъ враждебныхъ и чужихъ ей элементовъ, русское общественное мнѣніе не совсѣмъ правильно взглянуло на самыя средства къ осуществленію своей задачи. Оно именно пришло къ убѣжденію, что противъ привилегій и исключительныхъ мѣръ, поддерживавшихъ прежде антируssкіе интересы, необходимо сражаться также привилегіями въ пользу элемента русскаго и стѣсненіями иновѣрныхъ и иноплеменныхъ классовъ населенія; что необходимо создать русское чиновничество, русское землевладѣніе и т. п. въ западной окраинѣ (ко торую мы здѣсь имѣемъ главнымъ образомъ въ виду) и сразу дать русскому языку, какъ важнѣйшему вицѣциальному выраженію народнаго духа, главное мѣсто въ администраціи, богослуженій и обыденной жизни инородцевъ, безъ дальнихъ справокъ о томъ, въ какой мѣрѣ все это можетъ быть примѣнено на дѣлѣ и согласовано съ интересами справедливости и практической пригодностью. Эта система дѣйствій, главнымъ органомъ которой въ нашей печати стали «Московскія Вѣдомости», въ значительной мѣрѣ усвоена была дѣйствительностью и до сихъ поръ имѣть за собой много партизановъ. Тѣмъ не менѣе несостоятельность ея съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе ощутительной. Болѣе разсудительная и менѣе пристрастная часть русскаго общества начинаетъ положительно сознавать, что въ гоньбѣ за націонализмомъ, вошедшей у насъ въ большую моду, есть много фанфаронства и пустого самообольщенія, въ такой-же мѣрѣ заслуживающаго порицанія, какъ прежній національно-политическій индефферентизмъ и игра въ европеинчанье. Она поняла наконецъ, что истинное объединеніе разнородныхъ элементовъ русскаго населенія возможно только при системѣ наиболѣе широкой гражданской свободы и равенства правъ и обязанностей. Только свобода и равенство гражданъ, не взирая на различіе происхожденія и вѣроисповѣданія, не имѣющее для государства никакого значенія, создаютъ единство общественныхъ интересовъ, а слѣдовательно политическое единство населенія, причемъ господствующимъ необходимо является тотъ элементъ, который по своей численности и высшему духовному развитію пре-

восходить всѣ другіе, а не тотъ, который искусственно поощряется и поддерживается виѣшними мѣрами. Слѣдовательно настоящее, а не кажущееся обрученіе окраинъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если Россія явится по отношенію къ нимъ провозвѣстникомъ луч-шихъ началь, чѣмъ тѣ, которыя выработаны прежней ихъ жизнью въ періодъ сепаратизма и отчужденности отъ общей русской жизни. Съ этой точки зреїнія единственными законодательными мѣрами, за-служивающими название «обрусительныхъ» могутъ считаться тѣ, которыя, не заключая въ себѣ ничего специальнѣо-русскаго, вносятъ въ жизнь нашихъ окраинъ высшія общечеловѣческія начала, въ послѣднее время пересаженные на русскую почву. Къ такимъ мѣрамъ относятся: изъ приведенныхъ уже въ исполненіе, сполна или отчасти, уничтоженіе крѣпостнаго права въ селеніяхъ и горо-дахъ и мѣры къ развитію народнаго образованія, а изъ предпола-гаемыхъ—развитіе сельскаго кредита, введеніе земскихъ учрежде-ній и гласнаго суда.

Переходя затѣмъ отъ этихъ общихъ соображеній къ примѣненію принципа обрученія собственно къ евреямъ, нетрудно будетъ замѣтить, что воззрѣнія, господствующія въ настоящее время въ лучшей части нашего общества и печати о характерѣ и направле-ніи русской политики относительно инородцевъ западной окраины, вполнѣ примѣнимы и къ евреямъ. Сравнивая русскихъ евреевъ настоящаго времени съ тѣмъ, чѣмъ они были какихъ-нибудь пят-надцать лѣтъ назадъ, мы замѣтимъ слѣдующее любопытное явле-ніе. Евреи въ эти 15 лѣтъ ушли очень далеко на пути граждан-ственности и вмѣстѣ съ тѣмъ обрученія. Тогда какъ прежде ни въ средѣ русского общества, ни среди самихъ евреевъ, не было и мысли о возможности для евреевъ считаться русскими гражданами, теперь есть уже довольно многочисленный классъ евреевъ, упорно отстаивающихъ честь и право считаться русскими людьми и граж-данами Россіи; да и само русское общество все болѣе свыкается съ мыслью, что евреи должны нести всѣ обязанности и пользо-ваться всѣми правами русского гражданства. Но чему мы обязаны такой благопріятной перемѣнѣ: общимъ ли либеральнымъ нача-ломъ, легшимъ въ основаніе коренныхъ реформъ проведенныхъ въ

русскую жизнь настоящимъ царствованіемъ—или русификації западнаго края? На этотъ вопросъ, незапинаясь, можно отвѣтить, что главная заслуга въ дѣлѣ цивилизованія евреевъ и сліянія ихъ съ господствующимъ населеніемъ принадлежитъ тому движенію въ дѣятельности русскаго государства и общества, которое по справедливости должно быть названо не узконациональнъмъ, а общечеловѣческимъ. Еще прежде, чѣмъ польское возстаніе поставило вопросъ объ обрусеніи въ теперешнемъ его видѣ, когда по отношенію къ евреямъ, какъ и другимъ классамъ населенія Россіи, имѣлось въ виду удовлетвореніе ихъ постоянно возрастающихъ умственныхъ и материальныхъ потребностей, евреи первые почувствовали себя не только людьми и гражданами, но и русскими людьми и гражданами Россіи. И это неудивительно. Быстро следовавшія одно за другимъ, хотя частныя и паліативныя, но тѣмъ не менѣе весьма важныя и чувствительныя улучшенія въ быту евреевъ убѣдили ихъ въ томъ, что Россія начинаетъ смотрѣть на нихъ не какъ на терпимыхъ инородцевъ, но какъ на гражданъ, и что они могутъ надѣяться на достиженіе той гражданской полноправности, которой они пользуются давно почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Вслѣдствіе этого, или, лучше сказать, именно потому, что тогда очень мало думали о томъ, чтобы непосредственно привить къ евреямъ русскій духъ, сами евреи начали упорно стремиться къ усвоенію себѣ русской народности, въ чёмъ она могла быть ими усвоена. Съ тѣхъ поръ это стремленіе, не смотря на многія препятствія, встрѣчаемыя имъ какъ со стороны существующихъ еще въ силу закона изъятій и ограниченій, такъ и отъ затруднительности исполненія нѣкоторыхъ законовъ по независящимъ отъ евреевъ причинамъ, все усиливается въ поступательномъ своемъ движеніи и дало уже сравнительно весьма крупные результаты.

Но вотъ жизнь выдвинула вопросъ о необходимости реорганизаціи западнаго края и упроченія въ немъ русскаго элемента. Въ практикѣ, какъ и въ теоріи, явились сильная и многочисленная партия, девизомъ которой служить: «обрусеніе quand-même». Прошло уже нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ программа этой пар-

тій разрабатывается теоретически и примѣняется на дѣлѣ, такъ что характеръ ея дѣятельности явственно обозначился, и мы имѣемъ полную возможность судить о томъ, какіе результаты она принесла и можетъ принести въ будущемъ. И что-же? Много-ли сдѣлано собственно руссификаторами для того, чтобы превратить евреевъ въ болѣе полезныхъ гражданъ и истинно русскихъ людей? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить одинъ простой перечень трудовъ, въ которыхъ выразилась дѣятельность обрусителей: устраненіе евреевъ отъ землевладѣнія и стремленіе отнять у нихъ и право арендованія имѣній, проекты виленской комиссіи и проектъ киевской комиссіи о регулированіи вотчинныхъ повинностей мѣстечковыхъ евреевъ и припискѣ ихъ къ мѣстнымъ обществамъ—все это достаточно объясняетъ взглядъ руссификаторовъ на евреевъ и еврейскій вопросъ. При самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ упомянутыми явленіями не трудно усмотрѣть, что то обрученіе евреевъ, которое входитъ въ программу указанной партіи, есть чисто механическое, внѣшнее, не только не согласное, но даже часто противное интересамъ какъ христіанского, такъ и еврейского населенія, равно какъ условіямъ мѣстной жизни. Оно поэому можетъ привести къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ желаютъ достигнуть. Впрочемъ тотъ жестоко ошибся бы, кто вывелъ изъ сказанного заключеніе, будто мы хоть сколько нибудь отстаиваемъ разрозненность и отчужденность различныхъ элементовъ населенія и отрицаемъ необходимость для евреевъ выйти изъ прежняго своего изолированного положенія съ цѣлью возможнаго сближенія съ русскимъ народомъ. Мы менѣе кого-бы то ни было склонны отрицать эту необходимость и думаемъ даже, что приведеніе въ исполненіе этой задачи не такъ трудно, какъ обыкновенно полагаютъ. Но мы утверждаемъ, что для этого нѣтъ надобности прибѣгать къ какимъ нибудь особыннымъ мѣрамъ, имѣющимъ въ виду исключительно и непосредственно ризвитіе и укрѣпленіе національнаго элемента, а необходимо поставить евреевъ въ такое положеніе, чтобы они могли сознавать и считать себя свободными гражданами свободной и цивилизованной страны, и тогда процессъ ассимиляціи ихъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ совершился

самъ собой. Съ этой точки зрења разумнымъ и цѣлесообразнымъ дѣломъ въ дѣятельности обрусителей западной окраины относительно евреевъ мы считаемъ учрежденіе многихъ школъ грамотности и вообще заботы объ элементарномъ образованіи евреевъ въ сѣверо-западномъ краѣ. И это очень понятно, такъ какъ здѣсь программа обрусителей сходится, хотя только отчасти, съ требованіями общечеловѣческаго прогресса. Мы утверждаемъ, что единственна плодотворная политика не только по отношенію къ развитію материальнаго и духовнаго процвѣтанія, но и относительно укрепленія и усовершенствованія національнаго духа есть та, которая руководится общими началами справедливости, равноправности и общей пользы, а не система ограниченій, изъятій и привилегій.

Чтобъ убѣдиться въ томъ насколко мысль эта справедлива собственно въ примѣненіи къ русскимъ евреямъ—стоить только сравнить евреевъ западной Россіи съ южными и великороссійскими. Когда евреи переселялись изъ западнаго края на югъ Россіи, ни они сами, ни правительство, отчасти поощрившее это переселеніе въ видахъ пріученія евреевъ къ земледѣлію, не имѣли и мысли о томъ, чтобы этимъ путемъ достигнуто было обруcenіе евреевъ, а на дѣлѣ это переселеніе гораздо болѣе способствовало сліянію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ, чѣмъ всѣ мѣры придуманныя для этой цѣли нашими националистами. Хотя юридическое положеніе евреевъ на югѣ Россіи ничѣмъ не отличается отъ положенія ихъ собратьевъ въ западномъ краѣ, но въ силу того только, что они здѣсь не такъ скучены, болѣе разсѣяны среди нееврейского населенія, общественный ихъ союзъ расшатанъ и экономической ихъ быть лучше—въ силу этой фактической разницы въ обстановкѣ жизни, здѣшніе евреи не только вообще стали несравненно выше своихъ западно-русскихъ единовѣрцевъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, но еще болѣе ушли отъ нихъ въ дѣлѣ усвоенія русскаго языка, обычаевъ, образа мыслей и вообще русскаго народнаго элемента.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что господствующее у насъ мнѣніе, будто всѣ русскіе евреи составляютъ одну сплошную однообразную массу, очень ошибочно. Между евреемъ сѣверо-западнымъ

съ одной стороны и новороссийскимъ и таврическимъ съ другой— лежить цѣлая бездна. Послѣдніе гораздо болѣе имѣютъ права на название русскихъ евреевъ, чѣмъ первые. Въ Крыму напримѣръ ни одна изъ иноплеменныхъ народностей, которыми изобилуетъ полуостровъ (татары, армяне, греки, болгары и пр.) не обрусила въ такой мѣрѣ какъ евреи (мы говоримъ о пришлыхъ евреяхъ, поселившихся здѣсь при русскомъ господствѣ, а не туземныхъ евреяхъ — крымчакахъ и караимахъ, которые успѣли отатариться задолго до присоединенія Тавриды къ Россіи). Здѣсь можно встрѣтить немало еврейскихъ семействъ, у которыхъ русскій языкъ сдѣлся роднымъ и вытѣснилъ жаргонъ изъ употребленія. Общинная замкнутость и религіозный фанатизмъ тоже здѣсь несравненно слабѣе чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ. И случилось все это незамѣтно, само собою, безъ всякихъ усилий со стороны законодательства и самихъ евреевъ, благодаря болѣе благопріятнымъ экономическимъ и соціальнымъ условіямъ еврейского быта. Еще замѣтнѣе это самое явленіе у евреевъ, живущихъ внѣ черты постоянной ихъ осѣдлости. Законъ 28-го іюня 1865 года о дозволеніи евреямъ ремесленникамъ проживать по всей имперіи былъ вызванъ, какъ видно изъ соображеній, на которыхъ онъ основанъ, не стремленіемъ обрушить евреевъ, а желаніемъ снабдить восточную послу имперіи ремесленнымъ трудомъ, въ которомъ она нуждается, а западныя губерніи избавить отъ вредной несоразмѣрности между спросомъ и предложеніемъ ремесленной работы. Слѣдовательно, въ основаніе его легли соображенія не имѣющія ничего общаго съ программой національной политики нашихъ обрусителей; а между тѣмъ кто станетъ сомнѣваться, что законъ 28 іюня гораздо болѣе служитъ интересамъ обруsenія евреевъ, чѣмъ всѣ труды и проекты виленскихъ и киевскихъ русификаторовъ. Между евреями, воспользовавшимися правомъ, дарованнымъ имъ этимъ закономъ, можно найти уже теперь довольно много такихъ, которые вполнѣ усвоили себѣ русскій языкъ, русскій образъ жизни и даже русскій народный характеръ, въ чёмъ они такъ-же замѣтно удалились отъ южныхъ своихъ единовѣрцевъ, какъ эти послѣдніе отъ западныхъ.

Сказанное приводить нась къ тому убѣжденію, что всякия исключительныя мѣры, направленныя непосредственно и единственно къ обрушенію евреевъ не только не могутъ считаться необходимыми, но напротивъ, могутъ принести скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Дайте евреямъ убѣдиться, что принадлежность къ извѣстному вѣроисповѣданію не мѣшаетъ имъ быть въ глазахъ закона и русскаго народа полноправными гражданами Россіи, и они въ очень непродолжительномъ времени сами употребятъ всѣ старанія, чтобы выйти изъ изолированнаго своего положенія и примкнуть къ русскому народу.

Но мы все таки не хотимъ отрицать того, что не мало остается еще сдѣлать для органическаго сплоченія и объединенія еврейства съ общей русской государственной и народной жизнью. Но мы полагаемъ, что дѣятельность этого рода только тогда будетъ благотворна и цѣлесообразна, когда она пойдетъ не въ разрѣзъ съ требованиями началь справедливости, равенства и народной пользы, выработанныхъ общечеловѣческой цивилизаціею, а въ гармоническомъ согласіи съ ними. Въ этомъ направленіи руссификаціи евреевъ предстоитъ много работы, истинно полезной и разумной.

Въ слѣдующей статьѣ мы постараемся развить и подтвердить эту общую мысль указаніями на частныя явленія еврейской жизни.

II.

Вдумываясь въ характеръ дѣятельности и разсужденій партіи обруслителей относительно евреевъ, не трудно усмотрѣть, что партіей этой вездѣ и во всемъ касающемся евреевъ руководить одно общее начало, присутствіе котораго, часто незамѣтное съ первого взгляда, даетъ знать о своемъ существованіи при ближайшемъ анализѣ. Обруслители именно признаютъ за доказанное и бесспорное слѣдующее общее положеніе. Все то, что существуетъ исключительно у евреевъ и для нихъ, или даже только имѣеть видъ специально-еврейскаго учрежденія, ужъ потому самому есть большое зло, противъ котораго государство обязано принимать самыя энергическія репрессивныя мѣры къ скорѣйшему его искорененію. Между тѣмъ, съ этимъ тезисомъ въ безусловномъ его видѣ никакъ

нельзя согласиться. Съ точки зрењія современной социальной науки нѣть сомнѣнія, что всякая форма жизни, выработанная исторической жизнью того или другого племени или класса общества, имѣеть право на свободное существование, поскольку она не нарушаетъ дѣйствительныхъ интересовъ всей страны и всего государства. Семья, религія, частная жизнь, обычаи, нравы и община могутъ и должны свободно развиваться у каждого элемента населенія сообразно его собственнымъ наклонностямъ и усмотрѣнію, ибо всѣ эти элементы народной жизни только одной своей стороной соприкасаются съ государствомъ и затрагиваютъ его интересы, а потому и вмѣшательство государства въ ихъ сферу дѣятельности должно ограничиваться надзоромъ за ненарушеніемъ общихъ своихъ интересовъ отдельными интересами каждой сферы народной жизни.

Правда, социальный прогрессъ ведетъ къ тому, чтобы сгладить и стереть бытовыя формы мелкихъ національностей и общественныхъ группъ и поглотить ихъ въ крупныхъ народныхъ массахъ, но этотъ процессъ долженъ быть предоставленъ естественному течению обстоятельствъ, а не искусственной дѣятельности государства, которое въ подобныхъ случаяхъ само по себѣ всегда бессильно.

Примѣняя это положеніе къ евреямъ и ихъ русификаціи, мы найдемъ слѣдующее. Вслѣдствіе исключительности положенія, въ которое евреи были поставлены въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, у нихъ образовалось множество своеобразныхъ жизненныхъ явлений, сохранившихся большей частью до сихъ поръ. Спрашивается: какъ слѣдуетъ относиться къ этимъ особенностямъ еврейской жизни? Мы думаемъ, что правильный взглядъ на этотъ предметъ возможенъ лишь тогда, когда будемъ иметь въ виду слѣдующія два начала. Во-первыхъ, всякое жизненное явленіе только въ такомъ случаѣ есть положительное зло, если оно дѣйствительно не согласно съ духомъ времени и нарушаетъ чьи-либо интересы, а не потому лишь, что оно существуетъ исключительно у того или другого класса общества и, слѣдовательно, нарушаетъ абстрактный принципъ равенства. Во-вторыхъ, даже относительно обветшалыхъ и дурныхъ явлений еврейской жизни никогда не должно упускать изъ

виду аналогію между еврейскимъ и нееврейскимъ бытомъ и вліяніе тѣхъ общихъ причинъ, которые произвели у евреевъ, какъ и у неевреевъ, отсталыя и вредныя явленія, и съ которыми поэтому слѣдуетъ бороться тѣмъ же самымъ орудіемъ, которое употребляется въ однородныхъ сферахъ жизни другихъ классовъ общества.

Наши же обруслители, когда дѣло заходитъ о евреяхъ, совершенно забываютъ про эти правила, которыхъ не отрицаютъ въ другихъ случаяхъ. Всльствіе этого на повѣрку выходитъ, что соображенія и дѣйствія ихъ относительно евреевъ оказываются несостоятельными и даже противными тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ они сами стремятся. Мысль эта станетъ вполнѣ ясной для насъ, если обратимся къ отдельнымъ фактамъ.

Бросимъ общий взглядъ на отношенія русификаціи къ наиболѣе выдающимся сторонамъ еврейского быта. Возьмемъ напримѣръ народное образованіе у евреевъ и отношеніе къ нему обруслителей. У евреевъ существуетъ, во-первыхъ, своя система частного хедернаго обученія, главное содержаніе которого составляеть бблія, талмудъ и вообще еврейская богословская литература, и во-вторыхъ, учебныя заведенія специально для нихъ и на ихъ средства устроенные правительствомъ — такъ называемыя казенные еврейскія и раввинскія училища. Эти еврейскія учебныя заведенія какъ бѣльмо на глазу у русификаторовъ, и они все сильнѣе и сильнѣе подкапываются подъ ихъ существованіе, исходя изъ того положенія, что все существующее для однихъ евреевъ есть питомникъ розни и сепаратизма, этотъ *enfant terrible* обруслителей. Но спрашивается: въ какой мѣрѣ этотъ взглядъ, повидимому очень правильный, на самомъ дѣлѣ справедливъ и практиченъ? Раскрываемъ отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1867 г. на томъ мѣстѣ, где говорится объ образованіи инородцевъ, и читаемъ слѣдующее. Большая часть инородцевъ (казанскаго учебнаго округа) и особенно дѣти вовсе не знаютъ и даже не понимаютъ русскаго языка, а между тѣмъ учителями въ инородческихъ православныхъ училищахъ были преимущественно лица, вовсе не знавшія мѣстныхъ нарѣчій, и начинали и оканчивали курсъ ученія на русскомъ языке. Инородческихъ дѣтей, не знавшихъ слова по-русски, заса-

живали прямо за букварь и заставляли ихъ заучивать русскія молитвы, не поясняя даже значенія употребленныхъ словъ. Вследствіе того ученики старались пропускать уроки, потомъ оказывались полуидіотами и выносили отвращеніе къ такимъ школамъ. Результатъ былъ тотъ, что русская грамотность весьма мало къ нимъ прививалась. Поэтому министерство признало за основное правило вести преподаваніе въ инородческихъ школахъ казанского округа на туземныхъ нарѣчіяхъ. Относительно крымскихъ татаръ особый комитетъ, разматривавшій вопросъ о мѣрахъ къ распространенію между ними знанія русскаго языка, призналъ необходимымъ: устроить особую учительскую школу для образованія учителей-татаръ, знающихъ русскій языкъ, особый приготовительный классъ при симферопольской гимназіи для обученія татарскихъ дѣтей русскому языку, особое отдѣленіе при пансионѣ симферопольской гимназіи для дѣтей татаръ-дворянъ и наконецъ постепенно ввести преподаваніе русскаго языка въ медрессе (народныя духовныя училища татаръ) ¹⁾). Вникая въ смыслъ указанныхъ дѣйствій и соображеній министерства, мы замѣчаемъ слѣдующее. Министерство народнаго просвѣщенія, не смотря на то, что оно энергически стремится къ сліянію иноплеменниковъ съ русскимъ народомъ и воспитанію ихъ въ русскомъ духѣ, опытомъ убѣдилось однакожъ, что дѣло это можетъ быть поведено успѣшно лишь исподволь и съ большой осторожностью. Вследствіе совершенного незнакомства инородцевъ съ русскимъ языкомъ и сильнаго ихъ религіознаго фанатизма, образованіе инородцевъ можетъ быть поведено на ладъ только учителями изъ туземцевъ, которые опять-таки могутъ быть подготовлены къ исполненію этой обязанности не въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, куда инородцы, по указаннымъ причинамъ, поступаютъ очень неохотно, а въ специальнѣ для нихъ устроенныхъ учительскихъ школахъ. Учителя изъ русскихъ могутъ быть допущены къ воспитанію инородцевъ только въ томъ случаѣ, когда они знакомы близко съ туземными нарѣчіями; въ противномъ случаѣ, какъ до-

¹⁾ См. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1869 г., З оффіціальный отдѣлъ, стр. 73, 76.

Казалъ опытъ, они будуть болѣе вредны, чѣмъ полезны дѣлу образованія инородцевъ. Затѣмъ, по соображеніи того, что при господствѣ религіозныхъ и національныхъ предубѣждений у инородцевъ-магометанъ невозможно разсчитывать на желаніе съ ихъ стороны посѣщать общія учебныя заведенія наравнѣ и вмѣстѣ съ христіанами, признано необходимымъ по возможности отдѣлять дѣтей-инородцевъ въ особые классы и отдѣленія. Наконецъ, по тѣмъ же соображеніямъ, рѣшено оставить въ настоящемъ своемъ видѣ духовныя училища магометанъ, ограничивая вмѣшательство правительства въ кругъ ихъ дѣятельности одной заботой о введеніи въ нихъ преподаванія русскаго языка, да и то лишь постепенно.

И такъ министерство пришло къ тому убѣжденію, что дѣятельность государства въ этомъ случаѣ только тогда можетъ быть плодотворной, когда она не гоняется за идеаломъ, а стремится къ практическимъ осуществимому, и что у насъ еще рано думать о непосредственномъ и быстромъ сліяніи всѣхъ народностей и обрусеніи иноплеменниковъ, а необходимо дѣйствовать постепенно и медленно. Въ примѣненіи къ системѣ народнаго образованія отсюда очевидно слѣдуетъ, что свѣтъ европейскаго образованія въ русскомъ духѣ можетъ быть проведенъ въ темную, фанатическую массу нашихъ инородцевъ лишь въ школахъ ему доступныхъ и на языки ему понятномъ, словомъ лишь въ такой формѣ, которая не слишкомъ рѣзко противорѣчила бы его міросозерцанію и его обычаямъ. Эти взгляды министерства очень рациональны и практичны и нѣть сомнѣнія, что примѣненіе ихъ на дѣлѣ дастъ очень благопріятные результаты для обрусенія окраинъ и ихъ иноплеменнаго населенія. Казалось бы поэтому естественнымъ и необходимымъ руководствоваться этими же взглядами и по отношенію къ евреямъ въ западной окраинѣ, такъ какъ условія здѣсь совершенно тѣ же самыя, что у инородцевъ-мусульманъ. Правда, евреи стоять несравненно выше казанскихъ татаръ, чувашъ и другихъ инородцевъ восточной полосы Имперіи въ умственномъ и вообще духовномъ развитіи. Вслѣдствіе этого и распространеніе между евреями общечеловѣческаго образования и сліяніе съ кореннымъ населеніемъ, какъ доказываетъ примѣръ другихъ странъ, можетъ идти гораздо быстрѣе.

евреевъ, чѣмъ у татаръ, поэтому система уступокъ и постепенности въ дѣлѣ народнаго образованія евреевъ въ русскомъ духѣ не должна быть такъ продолжительна и такъ развита, какъ у инородцевъ-магометанъ. Но все же различіе въ положеніяхъ сводится тутъ на степень, на количество, а не на качество, на суть дѣла.

Дѣйствительно, въ отношеніи фанатизма и незнанія русскаго языка евреи не очень далеко ушли отъ татаръ (разумѣется, мы говоримъ о массѣ евреевъ въ западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ). Почему же въ то время, когда специальнѣ татарскія училища и учителя изъ татаръ считаются самими обрусителями необходимыми и неизбѣжными орудіями правительства въ просвѣщеніи инородцевъ, еврейскія училища и еврейскіе учителя не только не поощряются, но находятся въ сильномъ загонѣ и самое существованіе ихъ подвержено большому сомнѣнію? Почему для татаръ признано необходимымъ учредить учительскую школу, а уже существующія раввинскія училища, эти разсадники піонеровъ европейскаго образованія между евреями, многіе желали бы закрыть какъ опасные будто бы столбы еврейской изолированности? Обрусители, вѣроятно, не подозрѣваютъ, что въ стремленіи закрыть еврейскія училища и вытѣснить еврейскихъ учителей они совершенно сходятся съ враждебной европейскому образованію фанатической массой евреевъ: масса эта хорошо знаетъ, что для ея мракобѣсія опасны лишь ея же отщепенцы въ еврейскихъ школахъ, а не учителя русскіе въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые не смогутъ и не захотятъ столько дѣлать для просвѣщенія еврейскихъ дѣтей, какъ учителя евреи, что и было принято къ свѣдѣнію министерствомъ относительно восточныхъ инородцевъ. Почему, наконецъ, когда существованіе татарскихъ медрессъ признается вполнѣ естественнымъ и нормальнымъ и администрація находитъ возможнымъ требовать отъ нихъ только постепенного введенія русскаго языка въ число предметовъ преподаванія, почему въ то же время еврейскіе хедеры и ешиботы подвергаются ожесточеннымъ нападкамъ, какъ общее народное зло? Вѣдь никто не станетъ утверждать, что коранъ съ его комментаріями современнѣе и лучше талмуда, а татарскій языкъ не такъ далекъ отъ русскаго, какъ еврейскій жар-

гонъ. Правда, относительно хедеровъ и ешиботовъ давно существуетъ въ законѣ требование, чтобы въ нихъ непремѣнно преподавался русскій языкъ; но это важное постановленіе вовсе не соблюдается на практикѣ, а тѣ, кому вѣдать о томъ надлежитъ, не обращаютъ на него никакого вниманія. Обрусители же, обходя этотъ щекотливый пунктъ молчаніемъ, изливаютъ всю свою жаль на самые хедеры и преподаваемые въ нихъ еврейскіе предметы и желали бы воздвигнуть гоненіе à la Пфефферкорнъ на талмудъ, забывая, что стѣсненіе свободы изученія духовной литературы можетъ только сильно помѣшать усвоенію евреями общечеловѣческаго образованія, а не способствовать ему.

И въ самомъ дѣлѣ, какое разумное основаніе имѣть это гоненіе на талмудъ со стороны обрусителей? По какому-то странному стечению обстоятельствъ та же самая партія, которая выше всего ставить вопросъ объ обрученіи, въ области педагогики, на практикѣ и въ теоріи, избрала своимъ лозунгомъ классическое воспитаніе. А известно, что самые ярые поборники классицизма не могутъ признать за нимъ значенія научной, реальной и непосредственно полезной системы образованія, а признаютъ въ немъ только достоинство хорошаго орудія умственной дисциплины. Но такимъ же хорошимъ, если не лучшимъ орудіемъ для достиженія этой цѣли, какъ показываетъ опытъ, нельзя не признать и еврейскую литературу, изучаемую въ хедерахъ и ешиботахъ. Почему же классицизмъ считается безусловно хорошимъ педагогическимъ элементомъ, а талмудъ безусловно дурнымъ? Какъ ни страннымъ можетъ показаться многимъ это сопоставленіе, но мы настаиваемъ на томъ, что по практической годности и общеобразовательному характеру еврейская литература, въ которой не мало книгъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ, ничуть не уступаетъ античной литературѣ грекоримскаго міра. Если первая и стоитъ ниже послѣдней въ эстетическомъ отношеніи, то превосходитъ ее въ моральномъ содержаніи, что гораздо важнѣе съ воспитательной точки зрѣнія. Поэтому, мы полагаемъ, что люди, ратующіе за необходимость такой системы образования, которая не даетъ ничего положительного, научнаго и практически годнаго, а служить лишь орудіемъ умственной гимна-

стики, не имѣютъ права отрицать полезность всякой другой педагогической системы, основанной на этомъ же принципѣ. Скажутъ, можетъ быть, что въ нашихъ общихъ учебныхъ заведеніяхъ влияние классицизма парализуется преподаваніемъ нѣсколькихъ предметовъ болѣе научного свойства, благодаря которымъ ученики не остаются съ однимъ гимнастическимъ аппаратомъ, а приобрѣтаютъ и нѣкоторыя положительныя знанія. Но отсюда слѣдуетъ только то, что рядомъ съ классицизмомъ необходимы и другіе, болѣе реальные предметы преподаванія. А вѣдь этого самаго требуетъ законъ и относительно татарскихъ медрессъ и еврейскихъ училищъ. Почему же обрусители ставятъ какъ условіе *sine qua non* принятія евреевъ въ среду русского народа отреченіе ихъ отъ талмуда, вмѣсто того, чтобы признать необходимымъ парализировать его влияніе введеніемъ въ еврейскія училища общеобразовательныхъ предметовъ?

Само собою разумѣется, что мы стремимся не къ тому, чтобы признать талмудъ дѣйствительно полезнымъ предметомъ общаго образования. Мы вообще считаемъ вреднымъ и нелѣпымъ дѣломъ заботу о внѣшней, бесодержательной умственной эквилибристикѣ. Но мы требуемъ, чтобы за талмудомъ были признаны тѣ же права, что и за классической литературой, или, по крайней мѣрѣ, что за кораномъ и его толкованіями. Вообще мы желаемъ, чтобы по отношению къ евреямъ руководствовались тѣми же соображеніями и взглядами, которые признаются правильными для другихъ классовъ населенія. Обрусители же, какъ мы отчасти видѣли уже и еще увидимъ въ слѣдующій разъ, сильно грѣшать противъ этого требования, которое наврядъ ли кто почтеть несправедливымъ или неумѣстнымъ.

III.

Мы разсмотрѣли въ предыдущей статьѣ отношеніе обрусителей западнаго края къ дѣлу народнаго образования у евреевъ и убѣдились, что взглядъ ихъ на этотъ предметъ прямо противорѣчитъ тѣмъ принципамъ, которые признаются самыми обрусителями пра-

вильными въ примѣненіи къ другимъ однороднымъ явленіямъ, а потому взглядъ этотъ оказывается лишеннымъ всякаго основанія какъ только отбросимъ жизненный нервъ его—убѣжденіе въ томъ, что все специально еврейское по этому самому есть великое зло, которое необходимо вырвать съ корнемъ. Къ такому же точно результату приведетъ нась разборъ всѣхъ другихъ сторонъ еврейского быта, возбудившихъ противъ себя ожесточенные нападки русификаторовъ. Таковъ напримѣръ вопросъ о еврейскихъ ассоціаціяхъ всякаго рода, или «еврейскихъ братствъ» какъ окрестила ихъ русификація, вопросъ, который съ легкой руки блаженной памяти виленской комисіи для улучшенія быта евреевъ и ея геніального члена—хамелеона г. Брафмана надѣлалъ столько шуму въ рядахъ обрусителей. Г. Брафманъ повѣдалъ миру сдѣланное имъ великое открытие, что у евреевъ существуютъ многочисленныя и разнообразныя «братства», имѣющія своей задачей удовлетворять различнымъ потребностямъ частной и общественной жизни евреевъ, преимущественно относительно благотворительности и религіозной жизни, что въ этихъ-то братствахъ кроется весь ядъ іудейства и что до тѣхъ поръ, пока они полицейскими мѣрами не будутъ стерты съ лица земли—невозможно расчитывать на исцѣленіе западной Россіи отъ еврейской язвы. Обрусители ногами и руками ухватились за эту геніальную мысль прозрѣвшаго іудея и прогремѣли о немъ какъ о великомъ патріотѣ и публицистѣ. А между тѣмъ если разсѣять туманъ, навѣваемый трескучими фразами о «фантазізмѣ, сепаратизмѣ, сліяніи, обрусьніи» и т. п., то сейчасъ замѣтимъ, что во всѣхъ филиппикахъ противъ еврейскихъ братствъ нѣть ни капли здраваго смысла и справедливости. Спору нѣть, фактъ необыкновенного развитія общинно-корпоративного духа въ еврейской сферѣ есть явленіе замѣчательное, которое никакъ нельзя упустить изъ виду при обсужденіи еврейского вопроса, но попытался ли хоть одинъ изъ ревнителей обрусенія взглянуть на это дѣло безпредвзятно и разумно, т. е. съ точки зренія тѣхъ безспорныхъ истинъ общественной науки, которая всѣми (въ томъ числѣ и нашими обрусителями) признаются таковыми вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ только не о евреяхъ?

какой крикъ негодованія поднимался въ нашей печати каждый разъ, когда иностранные публицисты и нѣкоторые изъ нашихъ западниковъ высказывали подобную мысль по поводу темныхъ сторонъ русской исторіи и современного русскаго быта. И негодование это совершенно справедливое, ибо только закоренѣлое предубѣжденіе можетъ разсуждать такимъ образомъ, взводя частные случаи въ общий законъ и временные недостатки въ органическіе пороки. Но почему тѣ-же самые пріемы, которые мы такъ порицаемъ въ сужденіяхъ иностранныхъ публицистовъ о Россіи, кажутся намъ правильными въ примѣненіи къ евреямъ? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: потому-что какъ иностранцы въ толкахъ о Россіи, такъ обрусители о евреяхъ руководятся всѣмъ, чѣмъ хотите, только не здравымъ смысломъ и логикой фактovъ.

Да и какъ это обрусители не досмотрѣли, что именно множество злоупотребленій въ еврейскихъ братствахъ доказываетъ, что евреи вовсе не такъ изолированы отъ окружающего міра, а напротивъ переняли отъ него многое? Вотъ другое дѣло, еслибы эти братства были совершенно безупречны, «не въ примѣръ прочимъ», тогда дѣйствительно нельзя было бы достаточно надивиться своеобразности еврейскаго быта и съ полнымъ правомъ можно было бы доказать, что евреи составляютъ *status in statu*.

Но можетъ быть специально еврейскія учрежденія и братства существуютъ только у насъ и несовмѣстны съ условіями цивилизованной жизни въ свободной странѣ? Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ мы попросили бы обрусителей заглянуть въ любую европейскую страну, особенно въ Англію и сѣверную Америку. Здѣсь они увидѣли бы такое множество специально еврейскихъ учрежденій и ассоціацій, какъ напр. еврейскія школы, больницы, дома глухонѣмыхъ, инвалидовъ, даже еврейскіе литературные клубы и клубы любителей драматического искусства (*Jewish Amateur Dramatic Club*), чтенія для евреевъ рабочихъ и мн. др., что они навѣрное пришли-бы въ ужасъ отъ такого сепаратизма и поспѣшили-бы провозгласить, что тамошніе евреи составляютъ *status in statu* и не заслуживаютъ названія гражданъ. А между тѣмъ тамъ никто не пугается еврейскихъ ассоціацій, никто не думаетъ мѣшать имъ, а

евреи все-таки пользуются полными правами гражданства—и именно благодаря предоставленной имъ полной свободѣ оставаться въ старинной изолированности или соединиться на равныхъ, замѣтьте, пра-вахъ съ остальнымъ населеніемъ, евреи выбрали послѣднее, сдѣ-лались въ Англіи настоящими британцами, въ Америкѣ чистокров-ными янки, которыхъ ничѣмъ не отличишь отъ англосаксовъ *ring sang*. Евреи удержали свои особенные учрежденія исключительно въ сферѣ религіозно-общинной и тѣсно связанной съ ней благотво-рительной (такимъ характеромъ отличаются даже послѣднія двѣ изъ указанныхъ выше еврейскихъ ассоціацій).

Существованіемъ этихъ ассоціацій никто не возмущается, ибо всѣ цивилизованныя страны давно пришли къ убѣжденію, что сфера религіозно-благотворительная всего менѣе подлежитъ регламентаціи государства и должна быть представлена автономіи каждой рели-гіозной общины. Еще недавно напр. мы встрѣтили въ иностраннѣхъ газетахъ извѣстіе, что въ Нью-Йоркѣ образовалось еврейское погребальное братство (*Hebrew free Burial Society*) и не откуда не раздалось вопля о еврейскомъ сепаратизмѣ и стремленіи къ основанію еврейского царства. Ибо тамъ никто уже не сомнѣ-вается, что свободное развитіе колективной дѣятельности всѣхъ слоевъ населенія только усиливаетъ національное и государственное его единство, а наоборотъ стѣсненіе свободы ассоціаціи, ведущее къ преобладанію мертвящаго бюрократизма, порождаетъ пагубный для страны духъ индивидуализма, политического индифферентизма и хо-лоднаго космополитизма. Истина эта вошла уже въ сознаніе всѣхъ мыслящихъ людей и обрусительямъ не мѣшало бы принять ее къ свѣдѣнію. При этомъ не слѣдуетъ забывать и того весьма важ-наго обстоятельства, что и у насъ еврейскія ассоціаціи обнимаютъ исключительно религіозно-педагогическую и общественно-благотворительную сферу, т. е. ту область народной жизни, до которой государству въ сущности мало дѣла. Слѣдовательно при-давать еврейскимъ братствамъ политическое значеніе, какъ это дѣлаютъ «дѣятели» и «сѣятели» обрусенія, можетъ только или явная недобросовѣтность, замѣтная на каждомъ шагу въ трудахъ

г. Брафмана, или слѣпое предубѣжденіе противъ всего еврейскаго, руководящее нѣкоторыми изъ обрусителей.

Въ такой-же мѣрѣ неосновательны и непослѣдовательны отношенія обрусителей къ еврейскому общественному самоуправлению или кагалу. Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

IV.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы разсмотрѣли главнѣйшія изъ тѣхъ жизненныхъ явленій еврейскаго общественного быта, которыя современные намъ публицисты обрусенія считаютъ препятствіями къ сліянію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Результатомъ нашего разбора оказалось то, что всѣ эти изолирующія будто бы евреевъ учрежденія въ сущности или вещи весьма невинныя, основанныя на началахъ, признаваемыхъ полезными и разумными самими обрусителями вездѣ, гдѣ дѣло идетъ только не о евреяхъ (таковы напр. еврейскія братства и училища), или, если и заслуживаютъ порицанія, то составляютъ не особенность еврейского быта, а примѣненіе къ нему общихъ началъ прежней государственной и общественной жизни русскаго народа (таковъ кагаль со всѣми его безотрадными атрибутами). Такимъ образомъ мы до сихъ поръ занимались исключительно отрицательной стороной дѣла, т. е. развитіемъ той мысли, что известныя явленія еврейской жизни, вопреки общепринятыму мнѣнію, не могутъ считаться первоначальными причинами малоуспѣшности мѣръ къ привитію евреямъ русскаго духа и русской гражданственности. Но уже при этомъ отрицательномъ анализѣ мы естественно должны бы затронуть другую, болѣе важную сторону дѣла, именно точнѣйшее изученіе настоящихъ причинъ недостаточнаго усвоенія евреями русскаго національного духа и русскихъ формъ жизни. Такъ мы указали вскользь, какое громадное значеніе въ дѣлѣ обрусенія евреевъ имѣли законы о расширѣніи правъ осѣдлости евреевъ (екатерининскій законъ о дозвolenіи евреямъ жить на югѣ Россіи и законы послѣднихъ лѣтъ о дозволеніи нѣкоторымъ разрядамъ лицъ изъ евреевъ проживать по всей имперіи), давъ имъ возможность стать въ болѣе прямыхъ и свободныхъ отношеніяхъ къ русскому народному элементу и освобо-

диться отъ вѣковой замкнутости; мы указали на то, какъ на вѣренной русской почвѣ у евреевъ само собой заражается стремленіе преобразовать и свое общественное управлѣніе, и устройство синагогальной части, и систему народнаго образованія, построивъ ихъ на болѣе современныхъ началахъ и въ русскомъ духѣ. При разсмотрѣніи вопроса о кагалѣ, мы коснулись истинной причины ненормальной живучести такихъ устарѣлыхъ и отжившихъ явлений, какъ отдѣльность и самостоятельность религіозныхъ общинъ въ гражданскомъ отношеніи, причины, заключающейся въ стремленіи нашего стаиннаго законодательства съ одной стороны обеспечить фискальные интересы, равно какъ общественное благоустройство и благочиніе, подчиненіемъ личности общинѣ, а съ другой—ставить гражданскіе интересы общинъ въ зависимость отъ вѣроисповѣданія, которому нашимъ законодательствомъ вообще придается громадное значеніе и въ религіозной сферѣ. Этимъ мы проложили себѣ путь къ уразумѣнію положительной стороны вопроса объ обрусеніи евреевъ, т. е. уясненію коренныхъ причинъ изолированности евреевъ, а слѣдовательно и пониманію того, что слѣдуетъ дѣлать для устраненія препятствій къ обрусенію евреевъ. Очевидно, что съ этой точки зрѣнія, на первомъ планѣ должны стоять здѣсь всѣ ограничнія гражданскихъ правъ евреевъ, основанныя исключительно на принадлежности ихъ къ извѣстному вѣроисповѣданію. Очевидно, что чѣмъ чаще исповѣданіе становится еврею въ гражданскомъ его быту поперегъ дороги, чѣмъ чаще въ различныхъ чисто-матеріальныхъ дѣлахъ происхожденіе и религія суроно его преслѣдуютъ и неумолчно напоминаютъ ему о своемъ существованіи, тѣмъ труднѣе ожидать, чтобы онъ забылъ о нихъ или по крайней мѣрѣ пересталъ видѣть связь между ними и чисто-гражданскими своими отношениями. Мысль эта такъ ясна, что распространяться о ней значило бы толочь воду. Вотъ почему мы переходимъ къ другой сторонѣ этого предмета, менѣе извѣстной, но заслуживающей полнаго нашего вниманія по практической своей важности. Дѣло въ томъ, что обыкновенно полагаютъ, будто изолированность русскаго еврейства проявляется въ законодательствѣ только въ ограничительныхъ мѣрахъ относительно евреевъ, въ стѣсненіи ихъ гражданскихъ

Не нужно быть особенно наблюдательнымъ, чтобы замѣтить, что начало свободной ассоціаціи для удовлетворенія нуждамъ общественной и частной жизни всѣхъ слоевъ населенія есть одно изъ преобладающихъ въ современной жизни русскаго народа. Ежедневно мы встрѣчаемъ изъ всѣхъ уголковъ Россіи извѣстія о вновь образующихся обществахъ, компаніяхъ, братствахъ и товариществахъ всякаго рода. Государство, въ лицѣ своихъ органовъ—законодательства и администраціи, не только не враждебно въ принципѣ самодѣятельности народа въ видѣ ассоціацій, но всячески поощряетъ и отчасти даже само вызываетъ къ жизни свободная ассоціаціи, какъ въ сферѣ экономической и вообще материальной, такъ и въ нравственно-религіозной и благотворительной (таковы церковно-приходскія попечительства, православныя братства въ западномъ краѣ, тюремныя попечительства и т. п.). Всѣ мыслящіе люди, къ какой бы партіи они не принадлежали по отношенію къ другимъ вопросамъ, согласны въ томъ, что въ этомъ развитіи и размноженіи свободныхъ ассоціацій лежитъ залогъ материального и морального преуспѣянія Россіи, и потому всѣ встрѣчаютъ у насъ извѣстія о каждомъ вновь образующемся товариществѣ съ чувствомъ искренней радости и надежды на лучшее будущее. Единственная темная черта въ этой свѣтлой картинѣ происходитъ отъ недостатка энергіи и умѣнья для хорошаго веденія дѣль ассоціацій, т. е. отъ недостатка въ людяхъ, достаточно проникнутыхъ общинно-корпоративнымъ духомъ и обладающихъ такимъ запасомъ энергіи и самоотверженія, какой необходимъ для успешной дѣятельности всякаго корпоративнаго учрежденія. Еслибы обрусители могли и хотѣли отнестись къ евреямъ и еврейскому вопросу безпристрастно, то имъ въ виду сказанныя соображенія, разсудили бы такъ: у евреевъ съ давнихъ поръ существуетъ изумительное множество разнаго рода братствъ и корпорацій, вообще довольно хорошо исполняющихъ свои обязанности. Благодаря этимъ ассоціаціямъ, въ которыхъ состоять участниками всѣ почти члены каждой еврейской общины, евреи въ высокой степени усвоили себѣ практическую снаровку и энергию въ колективной дѣятельности. Правда, до настоящаго времени еврейскій духъ общественности проявлялся исключительно въ

замкнутой еврейской средѣ; но кто же въ этомъ виноватъ, какъ не законодательство и общество христіанскихъ государствъ, ревниво охранявшія свою среду отъ вторженія еврейского элемента и этимъ вынудившія евреевъ сплотиться въ отдѣльное самостоятельное цѣлое, которому они и посвятили всю свою жизнь, всѣ свои силы и труды. Разрушивъ же преграду, отдѣлявшую до сихъ поръ еврейскій міръ отъ нееврейского, дадимъ евреямъ возможность приложить свои знанія, опытность и энергію въ колективной дѣятельности ко всѣмъ сферамъ общей гражданской и государственной жизни страны, вмѣсто того, чтобы искусственно, ограничительными тенденціями, существующими какъ въ самомъ законѣ, такъ еще болѣе въ сознаніи его исполнителей и всего народа, отталкивать евреевъ отъ общей народной жизни и заставить ихъ направить всѣ свои помыслы, желанія и труды на отведенный имъ маленький отдѣльный мірокъ.

Отъ этого само собой, безъ всякихъ респресивныхъ и стѣснительныхъ мѣръ противъ еврейскихъ асоціацій, корпоративному духу еврейской массы данъ будетъ болѣе правильный ходъ, болѣе согласное съ интересами страны и положеніемъ въ ней евреевъ направленіе. Отъ такой системы дѣйствія выиграютъ, во первыхъ, сами евреи и ихъ асоціаціи, имѣющія очень много хорошихъ сторонъ, какъ всякая вообще асоціація. Удовлетворяя по возможности нуждамъ еврейскихъ общинъ, асоціаціи эти, по скольку они не наносятъ дѣйствительного вреда интересамъ остального населенія, имѣютъ неотъемлемое право на существование; а доказано ли публицистами обрусенія, что еврейскія братства вообще наносятъ дѣйствительный ущербъ другимъ классамъ населенія? Во вторыхъ, выиграла бы вся Россія, столь нуждающаяся теперь въ опытныхъ и энергичныхъ дѣятеляхъ для безчисленного множества всевозможныхъ асоціацій, принятіемъ въ свою среду массы интеллигентнаго населенія, долговременнымъ опытомъ пріобрѣвшаго недюжинныя способности и значительную долю самоотверженія и общественнаго духа и потому могущаго своимъ участіемъ немало способствовать успѣху колективной дѣятельности русскаго народа.

Но обрусили разсудили иначе. Они нашли болѣе разумнымъ

приди въ ужасъ отъ того, что открыли у евреевъ чрезвычайное развитіе корпоративнаго духа, который они сами признаютъ въ высшей степени благодѣтельнымъ вездѣ... «кромъ евреевъ». Они усмотрѣли въ каждомъ братствѣ каждой еврейской ничтожной общинѣ признаки государственного, національного и всякаго другаго «сепаратизма». Какъ будто всякая ассоціація, гдѣ-бы она не устроилась и съ какой-бы то ни было цѣлью, не есть нѣчто сепаративное, болѣе или менѣе тѣсно связывающее членовъ ассоціаціи въ предѣлахъ своей сферы и тѣмъ самымъ отчуждающее ихъ отъ остального міра! И однаждѣ опять убѣдилъ всѣхъ, даже у насъ, что государство тѣмъ болѣе процвѣтаетъ материально и духовно и даже тѣмъ крѣпче связано дѣйствительнымъ національнымъ единствомъ, чѣмъ ближе оно приближается къ тому состоянію, при которомъ страна составляетъ огромную массу самостоятельныхъ и независимыхъ, въ извѣстной мѣрѣ, ассоціацій (какъ это мы видимъ теперь въ Англіи и американскихъ штатахъ). Почему же принципъ свободной ассоціаціи, повсюду плодотворный, у однихъ евреевъ приводить лишь къ пагубному сепаратизму, не принося никакой пользы? Можетъ быть оттого, что евреи упорнѣе другихъ держатся своей замкнутости, и потому только при истребленіи еврейскихъ ассоціацій огнемъ и мечемъ они дадутъ мѣсто болѣе совершеннымъ формамъ общественности? Но вѣдь опытъ доказываетъ, что евреи, напротивъ, съ изумительной быстротой стряхиваютъ старомодныя формы еврейскаго быта и усваиваютъ себѣ общія національныя формы, по крайней мѣрѣ въ гражданскомъ отношеніи (религіозная сторона дѣла не имѣть значенія для государства). Такимъ образомъ поставленный нами вопросъ о логическомъ основаніи для понятія о пагубности еврейской ассоціаціи остается неразрѣшимымъ. Да и само понятіе, какъ намъ кажется, образовалось только потому, что провозгласившіе его не задали себѣ вовсе упомянутаго вопроса; иначе они сами отступились-бы отъ своихъ выводовъ. Даже и тамъ, гдѣ русификаторы повидимому стоять на фактической почвѣ въ своихъ гоненіяхъ на еврейскія братства, резоны ихъ при внимательномъ разсмотрѣніи оказываются весьма нереzonными. Такова напримѣръ буря, поднятая въ лагерь обрусителей

изъ-за погребальныхъ братствъ у евреевъ. Указываютъ на злоупотребленія, часто совершаemыя этими братствами, и выводятъ то заключеніе, что всѣ еврейскія ассоціаціи составляютъ величайшее зло, какъ для самихъ евреевъ, такъ и для остального населенія и что необходимо убить ихъ на повалъ, прежде чѣмъ думать о возможности сліянія евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Но, удивительная вещь! Какъ «господа ташкентцы», разсуждая такимъ образомъ, не замѣчаютъ, что оружіе ихъ обоюдоостре. Въ самомъ дѣлѣ кому неизвѣстно, какія ужасныя злоупотребленія происходятъ у насъ въ дѣятельности всякаго рода обществъ, корпорацій и компаний? Даже въ акціонерныхъ и вообще промышленныхъ компаніяхъ, гдѣ участниками бываютъ люди болѣе или менѣе развитые, злоупотребленія, эксплуатація и обманы разнаго рода составляютъ явленіе самое обыкновенное. И однакожъ, развѣ хоть одинъ здравомыслящій человѣкъ выводилъ изъ этого заключеніе, что самый принципъ промышленной ассоціаціи несостоятеленъ, или, что мы для нея не созрѣли? Единственные выводы, которые дѣлаются изъ такого рода фактovъ, и которые мы допускаемъ и относительно еврейскихъ ассоціацій, заключается въ томъ, во первыхъ, что при низкомъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ массы злоупотребленіе и преобладаніе сильного надъ слабымъ во всѣхъ сферахъ жизни неизбѣжно, но что средствомъ противъ этого зла служить не стѣненіе, а расширеніе свободы колективной дѣятельности; и во вторыхъ, что способъ организаціи и характеръ дѣятельности ассоціацій не могутъ оставаться неподвижными, а должны видоизменяться и усовершенствоваться въ видахъ устраненія ихъ недостатковъ и злоупотребленій. Заключать-же изъ темныхъ сторонъ какого нибудь учрежденія о совершенной его несостоятельности, зачѣть обнаружить незнакомство съ азбукой общественной науки. Что было-бы напримѣръ, еслибы мы, подражая «Виленскому Вѣстнику», утверждающему, что «злоупотребленія еврейскихъ братствъ составляютъ явленіе не случайное, а вытекающее изъ духа еврейства и согласное съ его идеей», — вздумали-бы развивать ту мысль, что злоупотребленія въ русскихъ ассоціаціяхъ составляютъ явленіе не случайное, а вытекающее изъ духа русского народа? Вспомнимъ,

бивается принципъ равенства гражданъ предъ закономъ, безъ различія пола, возраста, происхожденія и сословія. Это объясняется, конечно, преимущественной важностью этого отдѣла права для благосостоянія и даже для существованія государства. Теорія и практика общественного строя очень рано приходятъ къ убѣжденію, что преступленіе грозить кореннымъ основамъ общежитія, и потому всякия привилегіи въ примѣненіи государственною властью наказанія не могутъ и не должны быть допускаемы въ интересахъ общества. Здѣсь, прежде чѣмъ гдѣ либо, получаетъ практическое осуществленіе начало—*salus publica suprema lex esto* и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ необходимый его постулатъ—принципъ равенства предъ закономъ. Этотъ общий исторический законъ оправдывается и на примѣрѣ Россіи. Ни одинъ отдѣлъ нашего законодательства не отличается такой цѣльностью, послѣдовательностью, внутреннимъ и внѣшнимъ единствомъ, какъ Улож. о наказаніяхъ. Безконечно-дробныя постановленія о безчисленныхъ мелкихъ національныхъ и общественныхъ группахъ (въ родѣ инородческихъ племенъ и разныхъ видовъ сельскихъ состояній) нигдѣ не пестрятъ такъ мало, какъ именно здѣсь. Иначе оно и не могло быть, во первыхъ по указанному выше характеру своего содержанія, и во вторыхъ потому, что въ то время, какъ всѣ другіе отдѣлы свода образовались болѣе или менѣе случайно, отрывочно и разновременно, сводъ уголовныхъ законовъ, именно благодаря своей особенной важности, одинъ въ прежнее время подвергся органической переработкѣ и потому составляетъ нѣчто цѣльное. Такимъ образомъ, здѣсь, казалось-бы, мы вовсе не должны были бы встрѣчаться съ затрудненіями для про-веденія въ жизнь идеи гражданского равенства евреевъ. Дѣйствительно, между основными правилами нашего уголовнаго кодекса мы встрѣчаемъ, что «дѣйствію постановленій сего уложенія подлежать въ равной мѣрѣ всѣ россійскіе подданные, въ предѣлахъ государства» (ст. 168 улож. о нак. изд. 1866 г.) Но изучая ближе эти постановленія, мы убѣждаемся, что начало равенства проникло въ нихъ не такъ глубоко, какъ можно было ожидать. Уже въ первомъ специальному раздѣлу уложенія—о преступленіяхъ противъ вѣры—вы наталкиваетесь на очень важныя отступленія отъ начала равен-

ства. Тутъ вы сразу убѣждаетесь, что законодательство еще не усвоило себѣ общаго понятія о религіи, какъ учрежденій, однаково заслуживающемъ во всѣхъ своихъ формахъ и у всѣхъ религіозныхъ общинъ страны защиты и охраны государства, что между различными видами религіознаго мышленія въ его сознаніи существуетъ цѣлая бездна. Отсюда то изумительное различіе наказаній за одни и тѣ-же преступленія противъ вѣры, смотря потому, къ какому исповѣданію они относятся. Такъ напримѣръ, при опредѣленіи наказаній за разнаго рода оскорблениія святыни, законъ имѣть исключительно въ виду святыню христіанскую, почти всегда православную, тогда какъ на государстѣ въ одинаковой мѣрѣ лежить обязанность защищать отъ грубой профанаціи и оскорбительнаго обхожденія всѣ терпимыя въ странѣ исповѣданія. Совращеніе кого либо изъ христіанской религіи въ нехристіанскую разматривается закономъ (ст. 184 улож.) какъ одно изъ важнѣйшихъ преступленій противъ вѣры, караемое каторжной работой въ крѣпостяхъ; даже совращеніе изъ православнаго въ иное христіанскоѣ исповѣданіе наказывается лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и ссылкой на житѣе въ Сибирь (ст. 187). Но когда такое-же точно убѣженіе къ перемѣнѣ вѣры произведено въ области исповѣданій нехристіанскихъ, законъ относится къ дѣлу совершенно иначе. Онъ не только назначаетъ наказаніе гораздо болѣе мягкое (заключеніе въ тюрьмѣ или смирительномъ домѣ), но, что важнѣе, относить это дѣяніе уже не къ преступленіямъ противъ вѣры, которыми уложеніе придаетъ особенное значеніе, а къ «преступленіямъ и проступкамъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія», т. е. къ полицейскимъ проступкамъ. Онъ прямо называетъ совращеніе иновѣрца изъ одной нехристіанской религіи въ другую «нарушениемъ установленнаго порядка» (ст. 936). Такимъ образомъ въ случающихъ, предусмотрѣнныхъ этими статьями, дѣянія вполнѣ тождественные со стороны субъективной, имѣющей преимущественное значение въ преступленіяхъ этого рода, не представляющихъ имѣщественного вреда, законъ придаетъ громадное значеніе элементу объективному, вслѣдствіе чего такое дѣйствіе, которое по отношенію къ христіанской вѣрѣ наказывается очень строго, по примѣрѣ

иенію къ другимъ исповѣданіямъ низводится на степень полицейскаго нарушенія.

Углубляясь дальше въ массу казуистическихъ постановленій уголовнаго нашего свода, вы замѣчаете другой, не менѣе важный фактъ. Вы узнаете, что есть огромное количество преступленій, къ которымъ законъ считаетъ невозможнымъ примѣнять строгія опредѣленія о вмѣняемости и наказуемости, такъ какъ въ нихъ обыкновенно недостаетъ злого умысла и они нарушаютъ главнымъ образомъ не правовое, а нравственное чувство. Но законъ нашъ не различаетъ нравственного элемента отъ религіознаго, а религіозный элементъ вообще сливается у него съ определеннымъ его видомъ—христіанско-православнымъ. Вслѣдствіе этого, гдѣ приходится репрессивно воздѣйствовать на моральное сознаніе гражданъ, законъ знаетъ одинъ только специфически-христіанскій родъ наказанія — церковное покаяніе. Полное выраженіе взгляда законодателя на этотъ предметъ мы встрѣчаемъ въ ст. 1521 Уложенія, гдѣ читаемъ слѣдующее: «Кто, видя человѣка погибающаго, и имѣя возможность подать ему помошь безъ явной для себя опасности, или же призвать на помошь къ нему другихъ или мѣстную полицію, не приметъ никакихъ для спасенія его мѣръ, тотъ за сіе, если онъ христіанинъ, и отъ сей нечувствительности и небреженія его оставленному безъ помощи послѣдуетъ смерть, предается церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства». Тутъ вы такъ сказать ощущаете тотъ складъ мыслей и воззрѣній, который считаетъ неоспоримымъ, что религіозное чувство въ человѣкѣ есть неразрывный и неизбѣжный спутникъ нравственного и что гуманность и милосердіе тождественны съ христіанствомъ и только съ нимъ. Послѣ этого вы не удивляйтесь болѣе, что Уложеніе караетъ только у христіанъ такія противозаконныя дѣянія, какъ оказавшіяся вредными для народнаго здоровья: злоупотребленія торговцевъ съѣстными припасами (ст. 865), небрежность въ отправленіи своихъ обязанностей врача (ст. 870), повивальной бабки (ст. 878), фармацевтовъ (ст. 899), употребленіе вредныхъ, мнимо-волшебныхъ напитковъ (ст. 935); противозаконное сожитіе неженатаго съ незамужней (ст. 994). Кромѣ того, во многихъ случа-

яхъ законъ налагаетъ церковное покаяніе какъ придаточное наказаніе для христіанъ, напримѣръ, въ мужеложествѣ и скотоложствѣ (ст. 995 и 997), неумышленной смерти отъ побоевъ и въ дракѣ, а равно причиненіе кому либо смерти нарушеніемъ мѣръ предосторожности (ст. 1464, 1465 и 1466); убийствѣ неосторожномъ и по необходимой оборонѣ (ст. 1467 и 1468); самоубийствѣ, покушеніи на самоубийство (ст. 1372, 1473) и доведеніи до самоубийства жестокимъ обращеніемъ (ст. 1476); похищеніи женщины для вступленія въ бракъ (ст. 1549); вступленіи въ бракъ съ нехристіанами (ст. 1564), злоупотребленіи супружеской и родительской власти (ст. 1583 и 1586), прелюбодѣяніи супруговъ и въ близкихъ степеняхъ родства (ст. 1585, 1593, 1597). И такъ, въ случаяхъ первой категоріи законъ считаетъ извѣстныя дѣйствія преступными только съ точки зрењія моральной и потому преслѣдуется ихъ лишь у лицъ, принадлежащихъ къ нѣкоторымъ исповѣданіямъ и потому *ex-officio* обязанныхъ обладать извѣстнымъ запасомъ нравственности и совѣтливости; въ случаяхъ второй категоріи нашъ уголовный законъ, принимая въ соображеніе опасность ихъ для общежитія, хотя и караетъ ихъ у всѣхъ гражданъ, но, не упуская и интересовъ христіанской морали, усиливаетъ наказаніе за эти преступленія собственно для христіанъ прибавленіемъ къ главному наказанію церковного покаянія. Послѣдствія такого порядка вещей не трудно предусмотрѣть. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ двухъ торговцевъ съѣстными припасами, двухъ врачей или двухъ фармацевтовъ, преслѣдуемыхъ за причиненіе кому либо смерти несоблюденіемъ своихъ обязанностей, изъ которыхъ одинъ христіанинъ, а другой—еврей: первый будетъ подвергнутъ церковному покаянію—наказанію, нерѣдко состоящему въ монастырскомъ заключеніи и тогда ни въ чемъ не уступающѣму обыкновеннымъ видамъ лишенія свободы, — а второй, за неимѣніемъ въ виду закона, опредѣляющаго наказаніе за его дѣйствіе, долженъ быть оправданъ, если судъ не примѣнить статьи 151 Уложенія о наказаніи по аналогіи. Ясно, что тутъ принадлежность къ нехристіанскому исповѣданію даетъ привилегію на безнаказанность за нѣкоторыя дѣянія, признаваемыя противозаконными и подлежащими уголовной карѣ, когда они со-

правъ. На самомъ же дѣлѣ этими ограниченіями далеко не исчерпывается область отчуждающихъ евреевъ отъ остального населенія бытовыхъ условій. Есть въ нашемъ общественномъ строѣ масса учрежденій и правовыхъ нормъ, которыхъ никакъ нельзя отнести къ числу исключительныхъ законовъ о евреяхъ, а скорѣе слѣдуетъ считать проявленіемъ общихъ началъ русского государственного быта; многія изъ этихъ учрежденій и опредѣленій закона, какъ мы увидимъ ниже, не только не стѣснительны для евреевъ, но даже ставить ихъ въ привилегированное положеніе сравнительно съ другими классами общества, тѣмъ не менѣе эти законы оказываютъ весьма чувствительныя затрудненія дѣлу сліянія евреевъ съ русскимъ народомъ. Возьмемъ напримѣръ нашу систему веденія актовъ состоянія (метрическихъ книгъ) и практическіе ея результаты по отношенію къ евреямъ.

Извѣстно, какъ часто раздаются у насъ жалобы на то, что евреи уклоняются отъ записи въ ревизію и метрическія книги, что значительная часть еврейского населенія у насъ избѣгаетъ такимъ путемъ бремени государственныхъ налоговъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что жалобы эти имѣютъ положительное основаніе. Такъ изъ протокола общаго собранія витебскаго статистического комитета отъ 16 декабря 1859 г.¹⁾ узнаемъ слѣдующее «о неправильномъ веденіи раввинами метрическихъ книгъ и о крайней неудовлетворительности свѣдѣній о движеніи еврейского населенія». Изъ свѣдѣній, доставляемыхъ раввинами, на основаніи метрическихъ книгъ, полицейскимъ управлѣніямъ, оказывается напримѣръ, что число рожденій у евреевъ гораздо менѣе, чѣмъ у другихъ классовъ населенія, далеко не столь плодовитыхъ, какъ евреи, что чило рождающихся дѣвочекъ у евреевъ несравненно больше, чѣмъ мальчиковъ. Относительно смертности книги раввиновъ даютъ такого рода свѣдѣнія. Въ полоцкомъ уѣздѣ въ 1866 г. на 1801 еврея умершихъ—1, въ 1867 г. на 1984 еврея—умершихъ два, тогда какъ, по общему статистическому закону, въ первомъ случаѣ должно было быть умершихъ по крайней мѣрѣ 54, а во-второмъ—60. По

¹⁾ Виленскій Вѣстникъ 1870 г. № 11.

даннымъ этимъ можно полагать, что еврейское населеніе витебской губерніи не только не увеличивается нарожденіемъ, но еще уменьшается вслѣдствіе преобладанія смертности надъ рожденіемъ, что однако противорѣчить опыту. Причины такого неудовлетворительного состоянія метрическихъ книгъ, какъ видно изъ разсужденій комитета, заключаются въ томъ, что исчисленіе населенія, будучи дѣломъ государственнымъ и экономически соціальнымъ, поставлено у насъ въ зависимость и связь съ религіозными обрядами, сопровождающими важнѣйшіе для статистики моменты въ жизни человѣка — рожденіе, бракъ, смерть, и потому поручено духовенству, которое вовсе не компетентно въ этомъ дѣлѣ и ведеть его очень плохо. У евреевъ напримѣръ обряды обрѣзанія, нареченія имени, бракосочетанія и похоронъ могутъ быть совершаемы каждымъ обладающимъ необходимыми для этого познаніями, хотя бы безъ всякаго участія раввина. Очень понятно, что бѣдная еврейская масса предпочитаетъ совершать религіозные обряды безъ контроля и участія раввиновъ, такъ какъ это выходитъ выгоднѣе и свободнѣе. Раввины же, имѣя не мало другихъ обязанностей, и поставленные самимъ закономъ въ такое положеніе, что не имѣютъ возможности преслѣдовать тѣхъ изъ членовъ своихъ общинъ, которые уклоняются отъ исполненія стѣснительныхъ для нихъ формальностей, ведутъ это дѣло очень пѣбрежно; а какъ только упускается моментъ религіознаго обряда, который считается законодательствомъ единствено удобнымъ для контролированія движенія населенія, теряется для государства всякая возможность держать въ своихъ рукахъ эту столь важную для него сторону народнаго быта. Между тѣмъ, понятно, что не можетъ быть и рѣчи объ обрушеніи огромной массы еврейского населенія, незанесенной въ число гражданъ и стоящей поэтому внѣ всякаго покровительства и контроля закона; такимъ образомъ, наша система веденія актовъ состоянія представляетъ тяжелую преграду для включенія всѣхъ евреевъ въ семью русской народности. На зловѣщій же вопросъ: «кто виноватъ» въ этомъ злѣ? — русификаторы, по обыкновенію, отвѣчаютъ: евреи, имѣющіе особую склонность къ нарушенію законовъ и такую же склонность избѣгать света и прятаться во тьмѣ. Но объясненіе это такъ же

неосновательно здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаѣахъ. Евреи очень хорошо сознаютъ неудобство быть «прописной душой», и если многіе изъ нихъ пребываютъ въ этомъ состояніи, то изъ нежеланія отправлять подати и повинности, которыя дѣйствительно имъ не по силамъ и обязательность которыхъ они очень смутно сознаютъ, что не удивительно при неравенствѣ предоставленныхъ имъ закономъ правъ и обязанностей. Корень же зла лежить въ самой системѣ веденія метрическихъ книгъ духовенствомъ. Какъ известно, въ средневѣковый періодъ, дѣло это вездѣ было поручаемо духовенству, во вниманіе къ той роли, которую играетъ религія въ главные моменты человѣческой жизни. Но затѣмъ, по мѣрѣ роста и развитія соціальной мысли, во всѣхъ почти цивилизованныхъ странахъ пришли къ тому убѣжденію, что начало раздѣленія труда съ одной стороны и правильного распределенія церковной и гражданской сферы съ другой—требуютъ отдачи надзора за движеніемъ населенія въ особыя руки гражданскаго учрежденія. Этимъ выигрываетъ лучшее устройство статистической части и устраненіе одной изъ причинъ гражданской розни по вѣроисповѣднымъ основаніямъ. Введеніемъ этой системы (въ родѣ англійскаго registrar office) и у насъ, безъ гоненій на еврейскія общества и «прописныя души» и безъ многочисленныхъ штрафовъ за несоблюденіе правилъ о запискѣ въ метрическія книги, были бы достигнуты тѣ же цѣли. Что особенно важно для насъ теперь — уменьшилось бы на значительную цифру количество случаевъ, гдѣ еврей наталкивается на свою изолированность въ специальнѣ для него назначенныхъ учрежденіяхъ, и наоборотъ, увеличится число общественныхъ учрежденій, гдѣ еврей увидитъ себя поставленнымъ наравнѣ съ другими гражданами и подчиненнымъ общимъ съ ними порядкамъ. Любопытно при этомъ слѣдующее обстоятельство. Въ комиссіи по пересмотру предположеній о городскомъ общественномъ устройствѣ, при разборѣ вопроса объ участіи евреевъ въ общественномъ управлѣніи, одинъ изъ экспертовъ, разсуждая совершенно *à la «Голосъ»* и съ такимъ же знаніемъ дѣла, какъ онъ, говорить между прочимъ вотъ что. «Сколько нибудь общей потребности въ усвоеніи себѣ русскаго языка и русской гражданственности у евреевъ

въ Россіи еще почти незамѣтно (такъ!). Еще доселѣ евреи отдельно избираютъ членовъ городскаго управлениія, имѣютъ отдельный метрики, отдельно собираютъ подати и отбывають повинности, отдельно завѣдуютъ своими имуществами и пр.». Евреямъ, какъ видите, ставится въ вину то, что существуетъ для нихъ въ силу закона.

Въ слѣдующій разъ перейдемъ къ другимъ явленіямъ, играющимъ важную роль въ судьбѣ вопроса объ обрусеніи евреевъ.

V.

Когда говорять объ исключительныхъ законахъ, мѣшающихъ прочному объединенію евреевъ съ русскимъ населеніемъ, то обыкновенно имѣютъ въ виду сферу дѣйствія законовъ личныхъ, сословно-государственныхъ, такъ называемыхъ у насъ законовъ о состояніяхъ, опредѣляющихъ объемъ правъ и обязанностей, присвоенныхъ въ государствѣ каждой отдельной національной, общественной единицѣ. Это очень естественно объясняется тѣмъ, что здѣсь, въ этой области, по самому характеру обнимаемыхъ ею правоотношеній, всего ярче выступаетъ наружу основной характеръ данного законодательства, и въ особенности его отношеніе къ началу равенства всѣхъ классовъ гражданъ предъ лицемъ государства. Но только поверхностное знакомство съ системой нашего законодательства можетъ привести къ убѣжденію, будто одной сферой государственного права исчерпывается у насъ господство принципа общественного неравенства вообще, и въ частности въ примѣненіи къ евреямъ. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ дѣйствующими правомъ не трудно усмотрѣть, что дѣло нивелировки населенія и внутренняго его объединенія подъ главенствомъ русскаго національнаго элемента встрѣчаетъ существенные затрудненія рѣшительно отовсюду и съ тѣхъ сторонъ, откуда ихъ невозможно было ожидать. Мы хотимъ указать здѣсь на наше уголовное право и его значеніе для вопроса объ обрусеніи евреевъ.

Область дѣйствій законовъ уголовныхъ есть та, въ которой, раньше чѣмъ во всѣхъ другихъ сферахъ общественной жизни, про-

вершены христіанами. Такого рода судебные приговоры не могутъ не волновать общественной совѣсти, во первыхъ потому, что здѣсь является ничѣмъ не оправдываемое ухудшеніе положенія христіанъ предъ нехристіанами, и во вторыхъ потому, что здѣсь осозательно проявляется обидное для нехристіанского населенія предположеніе закона єбъ отсутствіи у него нравственнаго чутья и невозможности морально-религіознаго на него воздействиа. Нужно-ли еще доказывать, что, пока возможны у насъ такія судебнія рѣшенія и существуютъ указанные законы, мудрено ожидать, чтобы инородцы и иностраницы перестали смотрѣть на себя, какъ на государство въ государствѣ, и прониклись вполнѣ національнымъ духомъ?

Справедливость требуетъ однако замѣтить, что уголовный кодексъ нашъ, какъ и другіе отдѣлы законодательства, въ послѣдніе годы подвергся многимъ существеннымъ измѣненіямъ, обнаруживающимъ систематическое стремленіе правительства къ обобщенію уголовныхъ законовъ относительно евреевъ, т. е. къ возможно большей замѣнѣ специальныхъ узаконеній о евреяхъ общими нормами. Такъ въ уложеніи 1857 г. фигурировали особыя наказанія, довольно строгія, за самовольное пребываніе евреевъ въ чертѣ жидаовской ереси, за укрывательство ихъ въ этихъ мѣстахъ, за проживательство и укрывательство ихъ виѣ черты осѣдлости евреевъ (ст. 228, 229, 1228, 1234 и 1235 улож. 1857 г.); въ изданіи 1866 г. всѣ эти статьи вычеркнуты и замѣнены общими правилами, изображенными въ ст. 61, 63 и 64 уст. о нак. налаг. мир. суд. о разныхъ нарушеніяхъ паспортныхъ постановленій. Наказаніе за «упорство, непокорность, ослушаніе и неисполненіе распоряженій начальства» со стороны евреевъ-земледѣльцевъ (ст. 307 улож. 1857 г.) замѣнено ст. 30 того-же устава объ ослушаніи низшимъ полицейскимъ властямъ вообще. Ст. 1081 улож. 1857 г. опредѣляетъ между прочимъ церковное покаяніе за погребеніе мертвыхъ до установленного срока; но замѣнившая ее ст. 107 мир. уст. не знаетъ этого наказанія, а слѣдовательно уравниваетъ наказуемость его для всѣхъ исповѣданій. Статья 1243 улож. 1857 г., опредѣлявшая наказаніе содержателямъ гостинницъ и домохозяевамъ за дозволеніе въ нихъ перазрѣщенныхъ начальствомъ «публичныхъ бого-

моденій евреевъ», замѣнена ст. 41 мир. уст., карающей допущение въ общественныхъ заведеніяхъ «безчинствъ и беспорядковъ». (Слѣдовательно еврейскія богомоленія являются ничѣмъ инымъ, какъ безчинствомъ и беспорядками!) Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что законодательство наше рѣшительно пдеть по пути нивелировки уголовнаго права, по крайней мѣрѣ по вопросу о вліяніи исповѣданія на наказуемость, и такая тенденція системы права должна быть отнесена къ вліятельнѣйшимъ моментамъ въ исторіи вопроса о внутреннемъ обрушениіи евреевъ. Но, какъ мы видѣли, главная часть работы впереди, и до тѣхъ поръ, пока она не будетъ доведена до конца, пока вѣроисповѣданіе будетъ оказывать такое громадное и неподобающее ему вліяніе на наказуемость преступленій, не имѣющихъ въ себѣ ничего религіозно-церковнаго, а преступленія противъ вѣры будутъ разсматриваться таъ односторонне, до тѣхъ поръ уголовные законы будутъ занимать не послѣднее мѣсто въ ряду препятствій къ усвоенію евреями русскаго національнаго духа и русскаго гражданства.

VI.

Ознакомимся теперь съ другой, столь же важной отраслью нашего законодательства — постановленіями о союзѣ семейственному. Что семья есть главная основа общежитія, что поэтому характеръ организаціи семейнаго быта обусловливаетъ собою ту или другую нравственную физіономію общества въ каждую данную эпоху, — это такія истины, которые никогда никѣмъ не оспаривались, а потому и не нуждаются въ доказательствахъ. Отсюда само собой вытекаетъ, что юридическая организація семьи, играя такую важную роль въ исторіи человѣческой культуры вообще, не можетъ, по тѣсной внутренней связи между всѣми отдѣльными сторонами общественной жизни, не вліять въ значительной мѣрѣ и на ту сторону политического быта, которая подлежитъ теперь специальному нашему обсужденію относительно евреевъ — на возможность полнаго уравненія и сліянія отдѣльныхъ религіозныхъ и національныхъ группъ въ государствѣ. Но семейное право имѣетъ для нашего предмета и

ближайшее, непосредственное значение. Дѣло въ томъ, что во всѣ времена и при всѣхъ условіяхъ, семья является чуть ли не самымъ могущественнымъ факторомъ сближенія общественныхъ группъ. Въ преданіяхъ всѣхъ народовъ женщина въ семье служить примирительницей враждебныхъ племенъ и залогомъ болѣе правильныхъ международныхъ и сословныхъ отношеній, тогда какъ съ другой стороны ничто такъ не поддерживало кастовой и сословной замкнутости у всѣхъ народовъ на извѣстной степени ихъ развитія, какъ запрещеніе брака между членами разныхъ классовъ общества. Нигдѣ не исчезаютъ предразсудки, основанные на различіи вѣры, языка, происхожденія, такъ быстро, какъ въ семье; нигдѣ не сглаживаются въ такой мѣрѣ національная и религіозная особенности, неровности и угловатости, нигдѣ не вырабатывается такъ удобно космополитической типъ человѣка, какъ въ семье. Но для того, чтобы семья могла пріобрѣсть такое нивелирующее значение, само собою разумѣется, необходимо поставить ее въ возможно болѣе свободныя условія относительно государства и церкви, т. е. отмѣнить искусственные преграды къ сліянію въ бракѣ отдѣльныхъ группъ человѣчества, преграды воздвигнутыя отчасти государственнымъ правомъ, но преимущественно церковнымъ. Что-жъ мы находимъ въ этомъ отношеніи въ нашемъ законодательствѣ? Поверхностный взглядъ на внѣшнюю форму того отдѣла гражданскихъ законовъ, который трактуетъ о правѣ семейственномъ (кн. I, т. X, ч. 1. Св. Зак.), показываетъ ясно и внутренній его характеръ. Отдѣль этотъ именно начинается не съ общихъ положеній о бракѣ, какъ общегражданскомъ институтѣ, независимо отъ той религіозной сферы, внутри которой онъ совершается, а приступаетъ прямо къ отдѣльнымъ правиламъ «о бракѣ между лицами православного исповѣданія», послѣ чего слѣдуютъ также специальные правила о бракахъ христіанъ неправославныхъ между собой и съ православными, и наконецъ о бракахъ нехристіанъ между собой. Очевидно, что церковно-религіозный моментъ въ союзѣ брачномъ стоить рѣшительно на первомъ планѣ въ глазахъ нашего закона. Отсюда запрещеніе христіанамъ (исключая протестантовъ) вступать въ бракъ съ нехристіанами (ст. 85 т. X ч. 1), разрѣшеніе брака между

православными и лицами другихъ христіанскихъ исповѣданій—только на условіяхъ благопріятныхъ для господствующей православной церкви (ст. 67 тамъ же), воззрѣніе на переходъ въ другую религію, какъ на обстоятельство, могущее расторгнуть бракъ (ст. 81 тамъ же). Даже такія, несомнѣнно общаго характера правила, какъ добровольное согласіе брачущихся, необходимость разрѣшенія родителей и начальства для вступленія въ бракъ, судя по буквальному смыслу закона, вовсе не распространяются на нехристіанъ (это ясно видно изъ сопоставленія ст. 5, 6, 9, 12, 62 и 91 т. X ч. 1), хотя практика не придерживается такого страннаго вывода. Точно также, судя по тому, что правило о запрещеніи лицу, имѣющему болѣе 80-ти лѣтъ отъ роду, вступать въ бракъ (ст. 4 тамъ же) помещено въ главѣ о бракѣ православныхъ между собой, можно безошибочно заключить, что оно не распространяется на лицъ другихъ исповѣданій, хотя правило это по смыслу своему и цѣли имѣть общечеловѣческій, а не православно-догматическій характеръ. Расторженіе браковъ поставлено въ абсолютную зависимость отъ церковнаго закона и церковнаго суда; неудивительно поэтому, что гражданскій законъ удостоиваетъ своего вниманія только разводъ у лицъ господствующей религіи, оставляя совершенно безъ всякаго контроля и регулированія съ своей стороны разводъ евреевъ напримѣръ. Относительно важнаго вопроса о степеняхъ родства, въ которыхъ воспрещается бракъ, законъ не только не дошелъ до общихъ для всѣхъ исповѣданій гражданскихъ нормъ, но даетъ свою санкцію только христіанскимъ канонамъ на этотъ счетъ (ст. 64 тамъ же), а о нехристіанскихъ исповѣданіяхъ совершенно умалчиваетъ. Основою семьи, по мысли закона, служить не общечеловѣческое чувство нравственного и правового долга, а христіански-религіозное вѣрованіе. Поэтому во всѣхъ преступленіяхъ противъ союза семейнаго и родственнаго, церковное покаяніе, какъ наказаніе, дѣйствующее на религіозное сознаніе вѣрующаго христіанина, играетъ видную роль: въ этомъ убѣждаютъ насть статьи Уложенія: 1549 (похищеніе женщины для вступленія въ бракъ), 1582 (похищеніе замужней женщины), 1583 (жестокое обращеніе одного супруга съ другимъ), 1585 (прелюбодѣяніе), 1586 (жестокое обра-

щеніе родителей съ дѣтьми), 1593 (кровосмѣшніе), 1597 (любодѣяніе въ дозволенныхъ къ браку степеняхъ родства). Даже такое потрясающее всѣ основы гражданскаго общежитія явленіе, какъ многоженство, разсматривается нашимъ закономъ какъ преступленіе не общественное, а церковное; отсюда правило, что нехристіане подвергаются наказанію за вступленіе въ новый бракъ при существованіи прежняго лишь въ томъ случаѣ, если это противно законамъ ихъ вѣры; но во всякомъ случаѣ подвергаются наказанію значительно меньшему, чѣмъ христіане, виновные въ томъ же дѣяніи (ст. 1554 и 1558 улож.). Мысль, лежащая въ основѣ всѣхъ этихъ законовъ, довольно прозрачна. Государство считаетъ своей обязанностью охранять чистоту и святость семейнаго союза не вообще у всѣхъ гражданъ, а преимущественно въ православіи. Законность брачной жизни, любовь супружеская и родительская—это для него добродѣтели не общечеловѣческія, а специфически христіанскія; поэтому его гораздо болѣе возмущаетъ и онъ строже караетъ нарушеніе этого идеала общественности у христіанъ, чѣмъ у нехристіанъ. Что такое воззрѣніе и его практическіе результаты отяготительны и обидны для первыхъ, какъ и для вторыхъ, было указано въ предыдущей статьѣ, и потому мы не будемъ возвращаться болѣе къ этому обстоятельству. Взглядъ этой опредѣленно высказывается въ ст.- 80 Св. Зак. Гражд., гдѣ читаемъ слѣдующее. «Каждому племени и народу, не исключая и язычниковъ, дозволяется вступать въ бракъ по правиламъ ихъ закона или по принятымъ обычаямъ, безъ участія въ томъ гражданскаго начальства или христіанскаго духовнаго правительства». Статья эта какъ будто прямо говорить иновѣрцамъ: «такъ какъ вы не принадлежите къ господствующему вѣроисповѣданію, то государство не считаетъ себя обязаннымъ взять подъ свое покровительство и защиту вашъ семейный бытъ, и предоставляетъ самимъ устраивать его по своему усмотрѣнію. Самое большее, что оно можетъ для васъ сдѣлать, это освободить васъ отъ всякаго вмѣшательства, какъ съ своей стороны, такъ со стороны чуждаго вамъ церковнаго элемента; дальше не можетъ идти терпимость къ вамъ государства, безъ ущерба для тѣснаго своего союза съ господствую-

шай религіей». Спрашивается: можно ли ярче и решительнее выставить начало племенной и религиозной разни, лежащее въ основании нашего государственного строя, чѣмъ это дѣлается въ подобныхъ узаконеніяхъ? И развѣ можно, хоть съ малѣйшей долей справедливости, удивляться тому, что при такомъ характерѣ нашего юридического быта, russификація инородческаго населенія дѣйствительно идетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ слѣдовало бы? Если государство торжественно отказывается отъ своего права регулировать сообразно общенароднымъ интересамъ важнѣйшую часть инородческаго быта—ихъ семейную жизнь, тѣмъ самыемъ признавая за ними какъ бы право внѣземельности и гражданской автономіи, то что-жъ остается инородцамъ дѣлать, какъ не покориться волѣ законодателя и развивать свой внутренній бытъ независимо и самостоятельно?

Предметъ этотъ станетъ для насть еще яснѣе, когда укажемъ на нѣкоторыя относящіяся сюда явленія изъ жизни нашихъ единовѣрцевъ въ западной Европѣ.

Чтобъ составить себѣ полное понятіе о различіи въ положеніи евреевъ у насть и въ западной Европѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣть, въ чёмъ заключается дѣйствительное сліяніе евреевъ съ остальнымъ населеніемъ и какими средствами оно можетъ быть достигнуто, весьма полезно, какъ мы уже замѣтили, между прочимъ, сравнить юридический бытъ семьи у евреевъ русскихъ и западноевропейскихъ, по отношенію къ вопросу о вліяніи государства и выраженія его воли — законодательства — на семейную жизнь инородцевъ. Представивъ на предыдущихъ страницахъ краткій очеркъ постановленій нашего закона по этому предмету, мы укажемъ теперь на выдающіяся явленія въ семейномъ правѣ нашихъ европейскихъ единовѣрцевъ и за тѣмъ на результаты той и другой системы для дѣла націонализированія евреевъ. Два-три факта изъ современной жизни могутъ достаточно служить для этой цѣли. Въ Англіи стоитъ теперь на очереди къ разрешенію законодательный вопросъ объ отменѣ запрещенія вступать въ бракъ съ сестрой умершей жены. Вопросъ этотъ подвергается живому обсужденію и въ еврейской періодической печати, и вотъ какъ говоритьъ

объ этомъ предметѣ Jewish Chronicle¹⁾, по поводу запроса одного христіанина о томъ, встрѣчаются ли подобные браки между англійскими евреями. «По еврейскимъ религіознымъ законамъ такие браки положительно дозволены, такъ какъ біблія ихъ не запрещаетъ. Но какъ еврейскіе граждане каждой страны признаютъ силу гражданскихъ законовъ, ни одно еврейское духовное лицо не совершилъ въ этой странѣ обряда брака между мужчиной и сестрой умершей жены его». Рекомендуемъ это обстоятельство вниманію нашихъ жидоѣдовъ, постоянно утверждающихъ, что евреи вовсе не признаютъ авторитета государственныхъ постановленій, а живутъ въ своей знаменитой «муниципально талмудической республикѣ» исключительно по своимъ собственнымъ законамъ, не только отличнымъ отъ законовъ общихъ, но даже имъ враждебнымъ. Здѣсь они имѣютъ предъ глазами примѣръ того, что евреи въ классической странѣ свободы и общинной автономіи, при столкновеніи ихъ религіозныхъ законовъ съ общими гражданскими, притомъ въ вопросѣ преимущественно церковно-каноническомъ, добровольно (ибо англійскій законъ не воспрещаетъ положительно упомянутыхъ браковъ у евреевъ) отдаютъ предпочтеніе гражданскому закону, хотя стѣснительному и несправедливому, предъ болѣе удобнымъ и естественнымъ религіознымъ закономъ. И это происходитъ въ странѣ, гдѣ еврейское общинное самоуправление и братства, этотъ корень «еврейского зла», по мнѣнію нашихъ обрусителей, пользуются большей свободой, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ странѣ, гдѣ надъ англизированіемъ евреевъ посредствомъ специально для того направленныхъ мѣръ никто не ломаетъ себѣ голову. У насъ же, гдѣ столько первьевъ притуплено въ теченіи долгаго времени надъ составленіемъ проектовъ, предписаній, запрещеній и т. под. для обрученія евреевъ, законъ положительно даетъ свою санкцію только христіанскимъ канонамъ о степеняхъ родства, въ которыхъ запрещается бракъ (ст. 64 т. X ч. 1), и вообще, какъ мы видѣли, семье дается въ немъ чисто церковный характеръ. Практика же нисколько не смягчаетъ исключительности

¹⁾ № 62 за 1870 г.

закона, а напротивъ всячески старается продолжить существующій порядокъ вещей, при которомъ семейный быть евреевъ стоитъ совершенно виѣ всякаго вліянія со стороны государства и гражданскаго общества.

Такъ въ законахъ нашихъ существуетъ правило, по которому одни только раввины, утвержденные правительствомъ, имѣютъ право совершать и расторгать браки, а браки, совершенные другими лицами, считаются не дѣйствительными (т. IX Св. Зак., ст. 1086, примѣч.). Правило это, которое во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ давно получило полное право гражданства въ жизни, у насъ прививается очень тugo и въ большинствѣ случаевъ остается мертвую буквою. Причина этого заключается не въ томъ, конечно, что русские евреи составляютъ особую породу людей, настойчивѣе держащихся за старинную вольницу, чѣмъ евреи европейскіе—такое объясненіе, очевидно, нелѣпо,—но въ томъ, что раввины, какъ еврейское духовенство, поставлены въ условія чрезвычайно неблагопріятныя для исполненія своихъ обязанностей, и еще болѣе въ томъ, что у насъ всего хотятъ достигнуть не органическими мѣрами и капитальными улучшеніями въ устройствѣ общественного механизма, а административно репрессивными мѣрами, въ родѣ запрещеній, предписаній, штрафовъ и т. под. Такимъ образомъ законодатель, поставивъ себѣ задачей подчинить брачныя дѣла евреевъ контролю правительственныхъ раввиновъ, что весьма важно въ видахъ объединенія еврейского населенія съ остальнымъ, думаетъ гарантировать исполненіе этой мѣры точнымъ опредѣленіемъ наказаній за несоблюденіе его требованій (см. тамъ же ст. 1088 и прим. 2-е къ ст. 1086). Но при этомъ упущена изъ виду та аксиома общественной науки, что строгость наказаній никогда не уменьшаетъ числа закононарушений и не дѣлаетъ удобоисполнимымъ то, что встрѣчаетъ препятствія въ жизни, и что единственное средство сдѣлать законъ живой сплой, а не мертвой буквой—это поставить общественную жизнь въ такія условія, при которыхъ исполненіе закона было бы легко и выгодно для всѣхъ. Такими условіями по отношенію къ занимающему насъ теперь вопросу могутъ считаться: во первыхъ, принятие въ общій для всѣхъ гражданъ кодексъ об-

щихъ же, и притомъ не церковныхъ, а болѣе свободныхъ правилъ о бракѣ и семье, и, во вторыхъ, уравненіе еврейскаго исповѣданія вообще съ другими культурами въ государственномъ отношеніи, въ частности же уравненіе равнината, какъ представителя еврейской религіи, съ духовенствомъ другихъ исповѣданій относительно правъ и обязанностей. Это выясняется примѣромъ Франціи.

Франція, какъ страна, въ которой все дѣлается, въ противоположность Англіи, сверху, средствами и силами центральной государственной власти, и въ этомъ отношеніи остается вѣрной своему культурно-историческому типу. Если въ Англіи подчиненіе еврейства до глубины его домашняго очага общимъ бытовымъ нормамъ народной жизни дѣлается само собой безъ навязыванья со стороны правительства, какъ представителя господствующей народности, то во Франціи починъ и главное участіе въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ центральной власти, которая достигаетъ однакожъ своей цѣли не искусственными мѣрами и пертурбациами въ движении общественного механизма, а единственно притягательной силой либеральныхъ учрежденій и законовъ, слѣдовательно въ сущности тѣмъ же путемъ, что и въ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, останавливаясь только на тѣхъ отдельахъ законодательства, которые разсмотрѣны нами въ послѣднихъ двухъ статьяхъ, т. е. правѣ уголовномъ и семейномъ, и сравнивая содержаніе ихъ по французскимъ и нашимъ законамъ, мы увидимъ неизмѣримое разстояніе между ними, имѣющее весьма серьезное значеніе и для хода обрушения еврееевъ. Такъ французскіе уголовные законы вовсе не знаютъ «преступленій противъ вѣры» въ томъ видѣ, какъ они понимаются нашимъ Уложеніемъ, а говорять обѣ одномъ изъ видовъ нарушенія общественного спокойствія, состоящемъ въ «препятствіи свободному отправленію религіозныхъ обязанностей (entraves au libre exercice des cultes, Code Penal, ст. 260—64), причемъ не дѣлается никакого различія между разными исповѣданіями. О специальнѣ-церковныхъ наказаніяхъ для христіанъ нѣть и рѣчи. Преступленія противъ правъ семейственныхъ разматриваются съ точки зренія не христіанской морали, а общечеловѣческой нрав-

ственности (*attentats aux moeurs*), и потому наказываются у всѣхъ гражданъ одинаково.

Стоитъ сравнить 340 статью *Code Penal*, въ которой говорится въ общихъ выраженияхъ о наказаніи за двоебрачіе, съ цитированной нами ст. 1558 нашего Уложенія, гдѣ наказуемость этого преступленія обусловлена религіозными законами, чтобы видѣть, какъ далеко мы отстали отъ Европы въ дѣлѣ истиннаго національного объединенія, возможнаго только при равенствѣ всѣхъ предъ закономъ и полномъ раздѣленіи государства и церкви. Даѣ, во Франціи бракъ разсматривается какъ дѣло гражданское, а не церковное: онъ совершаются всѣми гражданами предъ правительственнымъ чиновникомъ (ст. 165 *Code civil*); расторгается онъ гражданскимъ судомъ (ст. 234 тамъ же), при чёмъ причины развода не церковныя, а гражданскія и потому общія для всѣхъ французовъ (229—33 тамъ же); наконецъ веденіе всѣхъ актовъ состоянія находится въ рукахъ не духовенства, а гражданскихъ чиновниковъ. Духовенство еврейское получаетъ содержаніе отъ казны, точно также какъ духовенство христіанское, и составляетъ государственное учрежденіе, какъ это послѣднее. При такихъ условіяхъ неудивительно, что французскій національный духъ охватилъ «французовъ мосеева закона» со всѣхъ сторонъ и проникъ въ ту область ихъ жизни, которая всего труднѣе поддается внешнему давленію и дольше всѣхъ другихъ сохраняетъ старинную самобытность и своеобразность: — въ быть семейный. Это ярко обнаружилось недавно по поводу вопроса о натурализациіи алжирскихъ евреевъ. Евреи Алжиріи, подпавъ въ 1830 г. власти Франціи, не были до послѣдняго времени подчинены *en masse* дѣятствію французского гражданскаго кодекса. Законъ 1865 г. представилъ имъ право натурализоваться по отдѣльной просьбѣ каждого желающаго. Такой порядокъ вещей, при которомъ алжирскіе евреи, будучи гражданами Франціи, могли въ то же время сохранять мосеево-раввинскіе законы о семейномъ союзѣ и наследствѣ, казался французамъ въ высшей степени неестественнѣмъ и несправедливымъ. Французская periodическая печать горячо возстала противъ такой двойственности управляющаго алжирскими

евреями законодательства, выставляя на видъ несовершенство еврейскихъ религіозныхъ законовъ и непримѣнимость ихъ въ настоящее время, а также нарушение гражданского равенства. Нежелание правительства навязать азіатскимъ евреямъ французское семейное право, вовсе не подходящее къ ихъ понятіямъ и нравамъ, было сочтено всѣми органами общественного мнѣнія за постыдную робость, противную исторической миссіи Франціи — распространять повсюду свою цивилизацію и свои учрежденія. Даже еврейская консисторія въ Алжиріи нашла необходимымъ войти съ петиціей къ правительству о натурализациі всѣхъ тамошнихъ евреевъ за разъ, что и было сдѣлано новымъ закономъ. Вотъ какъ глубоко укоренилось во Франціи понятіе о необходимости гражданского равенства во всѣхъ сферахъ жизни у всѣхъ гражданъ. У насъ же, гдѣ натурализациі евреевъ вообще ушла очень недалеко, никто не думаетъ удивляться тому, что у евреевъ до сихъ поръ имѣть полную силу раввинское семейное право въ первобытной своей формѣ, заключающее въ себѣ множество чрезвычайно стѣснительныхъ, несправедливыхъ и несовременныхъ правилъ. До такой степени свыклись у насъ съ мыслью, что евреи доставляютъ какой то особый міръ, до которого государству и странѣ только и есть дѣла, что въ финансово-полицейскомъ отношеніи, и необходимо оградить отъ его враждебного вліянія все остальное населеніе. Есть о чёмъ призадуматься нашимъ обрусителямъ, изливающимъ потоки своего негодованія на сепаратизмъ евреевъ. Поистинѣ, мы можемъ сказать имъ словами евангельско-талмудической поговорки, что они видятъ сучокъ въ чужомъ глазу, а не замѣчаютъ бревна въ своемъ собственномъ!

VII.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы разсмотрѣли по очередно разные отдѣлы нашего законодательства и убѣдились, что какъ въ общегражданскихъ своихъ частяхъ, такъ и въ тѣхъ, которые специально относятся къ евреямъ, они основаны на началахъ національной и религіозной замкнутости и исключительности, при которыхъ о по-

глощай русским народомъ такихъ неоднородныхъ ему тѣль, какъ еврейство, не можетъ быть и рѣчи. Мы встрѣтились съ этими препятствіями къ обрушению еврейства, какъ въ законахъ о правахъ и актахъ состоянія еврейства, такъ и въ ихъ общественномъ устройствѣ, уголовномъ и семейномъ правѣ. На этомъ собственно мы могли бы покончить, такъ какъ изъ данныхъ, ими структурированныхъ, очень не трудно вывести заключеніе о томъ, что сдѣлугъ выкинуть и что внести въ русскую жизнь для того, чтобы было возможно на дѣль полное объединеніе всего иногороднаго населения съ господствующей народностью. Но отеркь наша едва ли вымѣнь бы помылокъ, если упомянуть изъ виду еще извѣстные обстоятельства, имѣющія большее значеніе для занимавшаго насъ вопроса. Прежде всего необходимо вспомнить, что одно существованіе тѣль или другихъ законовъ еще не даетъ намъ юридического понятія о дѣйствительной жизни. Конечно трудно себѣ представить такое общественное устройство, или лучше сказать неустройство, при которомъ какой бы то ни былъ законъ оставался бы безъ всякаго віянія на дѣйствительный жѣрь. Но личный опытъ убеждаетъ каждого изъ насъ, что отъ составленія закона до исполненія его на дѣль, хотя одинъ только шагъ, но первѣко весьма отдаленъ. Слова великаго Петра: «всюе есть законы писать, когда ихъ не исполнять» имѣютъ всю смыслисть нынѣшнѣи теперь, какъ и за малѣроста лѣть тому назадъ. Поэтому, если хотимъ составить себѣ точное понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ существующія условия русской народной жизни способствуютъ или ижаютъ обрушению еврейства, невозможно ограничиться ознакомленіемъ съ нормами государственного и гражданскаго права Россіи, а необходимо узнать, въ какой мѣрѣ нормы эти проникаютъ въ дѣйствительную жизнь, насколько они съ нею согласуются и въ чёмъ расходятся. Въ этомъ отношеніи очевидно, что разумная политика объединенія населения должна обнаруживаться въ дѣятельности органовъ общественной и государственной власти въ сдѣланныхъ двухъ началахъ: во-первыхъ, въ начуленіи и послѣдовательномъ приложении на дѣль либеральныхъ принципій, лежащихъ на основаніе новѣйшихъ законодательныхъ актовъ относительно еврейства; и во-вторыхъ, въ проинте-

нії, оказываемъ закономъ, основаннымъ на новыхъ началахъ гражданскаго равенства и справедливости, передъ уцѣлѣвшими обломками стариннаго духа привилегій и исключительности во всѣхъ случаяхъ неполноты, неясности и противорѣчія законовъ. Что касается первого правила, то о необходимости его было бы излишне распространяться, ибо всякий законъ только для того и существуетъ, чтобы быть строго примѣняемымъ на дѣлѣ. Между тѣмъ ни для кого не тайна, что наиболѣе либеральные относительно евреевъ новые законы, какъ напр. дозволеніе нѣкоторымъ категоріямъ лицъ изъ евреевъ проживать по всей имперіи, а другимъ—вступать на государственную службу, во многихъ случаяхъ остаются безъ примѣненія. Понятно, что обстоятельство это, каковы бы ни были его причины, не можетъ способствовать къ упроченію у евреевъ сознанія ихъ русскаго гражданства. Можно сказать даже, что оно хуже вліяетъ на дѣло обрусенія евреевъ, чѣмъ самое отсутствіе новыхъ законовъ. Что же касается до втораго правила, то оно, сколько намъ известно, еще не подвергалось нигдѣ обсужденію, а между тѣмъ оно гораздо важнѣе, чѣмъ кажется съ первого взгляда.

Дѣйствительно, наше законодательство не есть нѣчто полное, законченное цѣлое, которое опредѣлительно разрѣшало бы возникающія на практикѣ недоумѣнія. Нигдѣ такъ часто не возникаютъ сомнѣнія въ практическомъ осуществленіи закона, какъ у насъ. Для занимающаго нась теперь предмета особенно важны сомнѣнія, возникающія изъ противорѣчій, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, между общими для всѣхъ русскихъ подданныхъ и специальными для евреевъ законами. Практика ежедневно выдвигаетъ такие случаи, которые возбуждаютъ сомнѣніе относительно того, какие законы должны быть къ нимъ примѣнены — общіе или исключительные; и вотъ здѣсь-то обнаруживается, какія тенденціи преобладаютъ въ характерѣ нашего общества и администраціи: стремятся ли они сознательно къ объединенію разныхъ слоевъ населенія путемъ общихъ законовъ и учрежденій, или упорно держатся за старые, исключительные законы, уступая лишь съ бою давнюю позицію. Знакомясь ближе съ характеромъ нашей судебной и административ-

ной практики находимъ, что она не выработала себѣ на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленной программы дѣйствій.

Съ одной стороны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ она, какъ бы со-
знаяя, что не только юридическая логика, но серьезный полити-
ческій разсчетъ требуетъ, чтобы въ сомнительныхъ случаяхъ рас-
пространять дѣйствіе общихъ законовъ и съживать кругъ дѣйствій
законовъ исключительныхъ, отдаетъ преимущество первымъ передъ
послѣдними и по отношенію къ евреямъ. Съ другой стороны, мы
встрѣчаемъ весьма важные практическіе случаи, гдѣ столкновеніе
или даже тѣнь столкновенія между общими законами и специаль-
ными для евреевъ истолковывается въ пользу послѣднихъ, и та-
кимъ образомъ обнаруживается нерациональное желаніе усилить
вредное вліяніе устарѣлыхъ правовыхъ нормъ и учрежденій. Ука-
жемъ на примѣры того и другаго. По ст. 16 уст. о пасп. и бѣгл.
евреи вообще не могутъ жить въ великороссійскихъ губерніяхъ, а
по ст. 878 уст. о ссыльныхъ, ссыльнопоселенцы обязаны, по исте-
ченіи срока заключенія, приписаться къ податнымъ сословіямъ. На
практикѣ возникло недоразумѣніе о томъ, примѣнно ли это по-
слѣднее правило и къ ссыльнымъ евреямъ, въ виду того, что оно
противорѣчить указанной статьѣ паспортнаго устава. При разсмо-
трѣніи этого вопроса въ разныхъ инстанціяхъ было высказано мно-
гими мнѣніе противъ приписки ссыльныхъ евреевъ, на томъ между
прочимъ основаніи, что это дастъ преступникамъ изъ евреевъ
больше правъ, чѣмъ честнымъ ихъ собратьямъ (доводъ дѣйстви-
тельно весьма вѣскій, противъ котораго трудно что нибудь возра-
зить). Но сенатъ, по выслушаніи донесенія министра внутреннихъ
дѣлъ о томъ, что случай приписки уже былъ на практикѣ, при-
зналъ, что ст. 878 уст. о ссыльныхъ примѣнна и къ евреямъ¹⁾.

Другой примѣръ. По старому закону, исходившему изъ понятія
о низшемъ нравственномъ развитіи еврейского народа, «евреи при-
водятся къ присягѣ не иначе, какъ въ синагогѣ или молитвенной
школѣ, а тамъ, гдѣ нѣтъ ни той, ни другой, въ подлежащемъ
присутственномъ мѣстѣ» (ст. 1061 т. XI, ч. 1 св. зак.). Въ

¹⁾ Журн. Мин. Юст. 1866 г., кн. 9, 507.

одномъ судебномъ случаѣ чиновникъ, признанный мировымъ съѣз-
домъ виновнымъ въ оскорблениіи еврейской дѣвушки на основаніи
свидѣтельскихъ показаній, данныхъ евреями на самомъ судѣ, между
прочими поводами къ отмѣнѣ рѣшенія съѣзда привель нарушеніе
указанной статьи закона. Но сенатъ принялъ на видъ, что «испол-
неніе этого закона, изданного въ 1862 году, не можетъ быть обя-
зательно для судебныхъ установлений, образованныхъ по судебнѣмъ
уставамъ 1864 г., такъ какъ по ст. 711 уст. угол. суд. свидѣ-
тели приводятся къ присягѣ, по обряду ихъ вѣроисповѣданій, въ
самомъ судебнѣмъ засѣданіи, и изъятія изъ этого закона для
свидѣтелей евреевъ не сдѣлано» ¹⁾). Такимъ образомъ въ
этихъ обоихъ случаяхъ высшее хранилище правосудія въ Россіи
высказалось за распространеніе на евреевъ дѣйствія общихъ зако-
новъ при столкновеніи ихъ съ специальными узаконеніями. Въ этомъ
духѣ дѣйствуетъ иногда и наша низшая юридическая практика.
Такъ по ст. 316 уст. пит. «не дозволяется учреждать питейныхъ
домовъ, шинковъ и выставокъ отъ христіанскихъ храмовъ, монасты-
рей и кладбищъ ближе сорока сажень». Хотя здѣсь положительно
говорится о христіанскихъ храмахъ и пр., но мировой судья 4-го
участка г. Одессы по одному дѣлу призналъ, что требованіе это
распространяется и на еврейскую общественную больницу ²⁾). Далѣе,
хотя по закону у евреевъ не существуетъ духовенства, какъ осо-
баго сословія, имѣющаго извѣстныя права и обязанности, по сво-
ему общественному положенію, а раввины не признаются духов-
ными лицами въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но практика
распространяетъ на нихъ дѣйствіе общихъ законовъ о духовенствѣ.
Такъ напр., сколько намъ извѣстно, нотаріусы (по крайней мѣрѣ
одесские) не совершаютъ векселей отъ имени раввиновъ, хотя въ
законѣ мы встрѣчаемъ правила въ родѣ того, что раввины, полу-
чившия почетныя права купечества первой гильдіи, могутъ зани-
маться торговлей не иначе какъ на основаніи общихъ правилъ,
постановленныхъ для торгующихъ евреевъ (ст. 1092 т. XI,

¹⁾ Сборникъ рѣш. угол. Касс. Деп. за 1870 г. № 116.

²⁾ См. Одесский Вѣстникъ за 1870 г. № 133.

ч. 1 св. зак.). Въ этихъ двухъ случаяхъ практика идетъ дальше закона въ признаніи гражданскаго равенства евреевъ съ остальнымъ населеніемъ и восполняетъ мысль законодателя согласно съ духомъ тѣхъ началь, которыя лежать въ основаніи новѣйшихъ преобразованій. Но къ сожалѣнію, практика далеко не всегда остается вѣрной этому направленію въ своемъ образѣ дѣйствій. Напротивъ, во многихъ случаяхъ она оказывается позади законодательства въ дѣлѣ гражданскаго уравненія евреевъ съ господствующей народностью, и своимъ тупымъ противодѣйствіемъ парализуетъ стремленіе закона поставить евреевъ въ болѣе свободныя условія жизни. Это обнаруживается во первыхъ въ простомъ неисполненіи тѣхъ законовъ, которые опережаютъ общественное развитіе во взглядѣ на евреевъ, и во вторыхъ въ томъ, что либеральнымъ законамъ дается такое толкованіе и примѣненіе, что благіе ихъ результаты уменьшаются до возможнаго минимума. Это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Законъ 28 іюня 1865 г. даетъ евреямъ-ремесленникамъ право приписаться къ цехамъ въ великороссійскихъ губерніяхъ и пользоваться тогда всѣми правами цехового званія. Вслѣдствіе этого они могутъ также вступать въ гильдію и пользоваться торговыми правами (ст. 109 уст. рем. по прод. 1868 г.). Но рядомъ съ этимъ закономъ, уравнивающимъ положеніе ремесленниковъ евреевъ съ христіанами, въ питейномъ уставѣ (ст. 283) сохранился старый законъ, по которому евреи имѣютъ право питейной торговли только въ «мѣстахъ постояннаго ихъ жительства». Возникающее отсюда недоумѣніе—могутъ ли евреи-ремесленники заниматься питейной торговлей во внутреннихъ губерніяхъ—разрѣшается акцизными управленіями въ пользу прежняго, исключительного закона. Что такое толкованіе юридически неправильно, было уже подробно доказано въ «Днѣ»¹⁾. Здѣсь мы можемъ подтвердить это еще однимъ доводомъ. Въ законѣ 24 мая 1870 г. о частной золотопромышленности встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующее правило: «изъ евреевъ допускаются къ производству золотаго промысла, кромѣ имѣющихъ законное жительство въ мѣстахъ сего промысла, также и

¹⁾ См. День за 1870 г. № 22.

тъ, коимъ существующими узаконеніями разрѣшено пребываніе во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Россійской Имперіи» (прим. 1 къ ст. 30). Очевидно, что по смыслу этого закона проживающій въ Сибири еврей-ремесленникъ имѣть полное право заниматься золотымъ промысломъ; между тѣмъ промысел этотъ въ такой же степени имѣть характеръ торговаго предпріятія и также мало имѣть свойства ремесла, какъ торговля питьями. Если же законъ предоставляетъ евреямъ-ремесленникамъ первый родъ торговыхъ занятій, то непонятно, почему бы онъ воспретилъ имъ второй.

На такое же направленіе нашей судебно административной практики, относительно вопроса о натурализациіи русскихъ евреевъ въ смыслѣ полноправныхъ русскихъ гражданъ, указываетъ слѣдующій фактъ. Еврей совершилъ у нотаріуса придано обезпечительную брачную запись (кесубу, которая обыкновенно совершается домашнимъ порядкомъ на еврейскомъ языке). Нотаріусъ, совершившій эту запись, руководствовался пунктомъ 10-мъ ст. 1005 т. X ч. I, въ которомъ упоминается о подобного рода записяхъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ, где онъ удержались со временемъ литовскаго статута (настоящій же случай былъ не въ этихъ губерніяхъ). Еслибъ наша юридическая практика правильно понимала свою задачу относительно обрученія инородцевъ посредствомъ введенія въ ихъ бытъ общихъ русскихъ законовъ и правового порядка, то она съ радостью встрѣтила бы подобный добровольный шагъ со стороны самихъ евреевъ къ усвоенію русскихъ юридическихъ формъ для одного изъ важнейшихъ актовъ гражданскаго и семейнаго быта—брачныхъ договоровъ. Но у насъ до такой степени укоренилась привычка смотрѣть на все еврейское какъ на нечто совершенно отдельное и своеобразное, что членъ окружнаго суда, ревизовавшій книги упомянутаго нотаріуса, нашелъ совершеніе такихъ записей нотаріальнымъ порядкомъ неправильнымъ¹⁾. Такой взглядъ, независимо оттого, что идетъ въ разладъ съ стремленіями правительства и требованіями общественнаго мнѣнія отно-

¹⁾ Судебный Вѣстникъ 1866 г. № 226.

сительно обрuseнія евреевъ, лишенъ всякихъ юридическихъ оснований. Во первыхъ, каждому юристу извѣстно, что упоминаніе въ законѣ о существованіи известныхъ правилъ для Малороссіи на основаніи статута вовсе не означаетъ, что эти самыя юридическія явленія невозможны въ другихъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуютъ общіе законы. И такъ какъ придано обезпечительная запись не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго законамъ, благочинію и общественному порядку, то совершение ея должно быть предоставлено на усмотрѣніе сторонъ (ст. 1528 и 1529 т. X ч. 1). Во вторыхъ, извѣстно изъ исторіи права, что подобнаго рода записи (называвшіяся въ новыми) составляютъ исконное обычное явленіе у русскихъ и у всѣхъ славянъ (см. Спасовича, объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву, стр. 23 и слѣд.). Такимъ образомъ и здѣсь, въ ущербъ юридической логикѣ и требованіямъ государственного прогресса, отдана должна дань старымъ предразсудкамъ и воззрѣніямъ. Между тѣмъ практическая важность введенія русского языка и русскихъ правовыхъ формъ въ семейный быть евреевъ очевидна. Намъ извѣстно, что одинъ раввинъ намѣренъ войти съ представленіемъ по начальству объ изданіи законодательнымъ порядкомъ формы придано обезпечительныхъ записей на русскомъ языкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что если вопросъ этотъ будетъ возбужденъ гдѣ слѣдуетъ, то получить разрешеніе вполнѣ согласное съ требованіями справедливости и разумной національной политики. Мы полагаемъ, что для этихъ актовъ должна быть сдѣлана обязательной нотаріальная форма совершенія: прямымъ послѣдствіемъ этого будетъ предупрежденіе многихъ семейныхъ распреi и судебныхъ процессовъ, а косвеннымъ—распространеніе знанія русского языка и русскихъ законовъ въ еврейской средѣ.

Не менѣе сильно выказывается старинная отчужденість отъ евреевъ въ томъ обстоятельствѣ, что законы, имѣющіе прямое или косвенное къ нимъ отношеніе и при помощи которыхъ важные недостатки русско-еврейскаго міра могли бы въ значительной мѣрѣ быть парализованы, оставляются просто безъ примѣненія, какъ несоответствующіе понятіямъ исполнителей закона о задачѣ

государственной дѣятельности по отношенію къ евреямъ. Такъ напр. законъ (ст. 1413 т. IX св. зак.) вмѣняетъ въ обязанность учебному начальству и полиціи бдительный надзоръ за дѣломъ народнаго образованія евреевъ и соблюденіе еврейскими учителями всѣхъ предписанныхъ закономъ правилъ, въ числѣ же этихъ правилъ находится одно, предписывающее непремѣнное преподаваніе русскаго языка въ каждомъ частномъ еврейскомъ училищѣ (ст. 1405 тамъ же). При болѣе искреннемъ стремленіи со стороны администраціи содѣйствовать сліянію евреевъ съ русскимъ народомъ, такое орудіе въ ея рукахъ могло бы сдѣлаться очень дѣйствительнымъ для достижения той цѣли, которая предположена закономъ при изданіи этихъ правилъ, т. е. распространенія русскаго образованія между евреями. Но мы имѣемъ офиціальныя удостовѣренія (циркуляры губернаторовъ виленскаго и гродненскаго), изъ которыхъ видно, что указанныя правила остаются рѣшительно мертввой буквой (см. замѣтку въ № 6 «Дня» за 1869 годъ). Другой примѣръ. Цадикізмъ составляетъ безспорно весьма печальное явленіе въ быту еврейской массы. Цадики поддерживаютъ и распространяютъ въ этой массѣ, для своихъ корыстныхъ цѣлей, религіозный фанатизмъ и суевѣrie; они составляютъ важнейшую помѣху къ усвоенію евреями общаго образованія, въ которомъ они чуютъ свою погибель; они наконецъ гибельно вліяютъ на экономической бытъ своихъ поклонниковъ, высасывая изъ нихъ послѣдніе соки для своей роскошной жизни. Правительство естественно не можетъ смотрѣть равнодушно на такую вопіющую эксплуатацію легковѣрія, бѣдности и невѣжества какой бы то ни было части населенія страны; и дѣйствительно, съ давнихъ поръ принимаются противъ цадиковъ и ихъ ученія различные административныя мѣры. Такъ, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Варадиновымъ по офиціальнымъ источникамъ (исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, т. III, ч. I, стр. 665), министерство внутреннихъ дѣлъ еще въ 1834 г. принуждено было обратить вниманіе на распри раввинистовъ и хасидовъ и предписало, чтобы всѣ еврейскія типографіи, существующія безъ разрѣшенія правительства, были закрыты, а хасидскія книги не печатались безъ предварительной цензуры.

Въ настоящее время цадики тоже не упускаются изъ виду правительствомъ; противъ нихъ принимаются разнаго рода административныя мѣры, направленныя къ тому, чтобы ослабить вредное влияние ихъ на еврейскую массу; главное мѣсто между этими мѣрами занимаютъ подписки, отбираемыя у всѣхъ цадиковъ о невыѣздѣ изъ мѣстъ постояннаго жительства. Если судить по тому, что правительство, въ стремлѣніи своеемъ защитить невѣжественную еврейскую массу отъ хищничества дармоѣдовъ святошь, считаетъ себя вынужденнымъ прибегать къ подобнымъ экстреннымъ мѣрамъ, имѣющимъ свое основаніе не столько въ положительномъ законѣ, сколько въ административномъ усмотрѣніи, то можно подумать, что общее наше законодательство совершенно бессильно противъ такого соціального зла какъ хасидизмъ, что противъ темныхъ сторонъ еврейскаго быта государство можетъ бороться только чрезвычайными, нарочно для евреевъ придуманными мѣрами. На самомъ же дѣлѣ это вовсе не такъ. По закону «кто ради корысти, суетной славы или другой личной выгоды будетъ разглашать или велить разгласить подложно о какомъ либо будто бы случившемся чудѣ или же посредствомъ подлога какое либо свое или по распоряженію его приготовленное дѣйствіе будетъ выдавать легковѣрнымъ за чудо», тотъ подвергается определенному наказанію (ст. 933 улож. о нак. изд. 1866 г.). Точно также подвергается извѣстному наказанію тотъ «кто, выдавая себя за лицо, одаренное сверхъ естественной чудесной силой или святостью, будетъ стараться посредствомъ возбужденаго симъ обманомъ увѣренія, произвести въ народѣ тревогу, волненіе или уныніе, или же неповиновеніе установленной закономъ власти» (тамъ же, ст. 938). Изъ буквальнаго смысла этихъ статей очевидно, что онѣ распространяются не на однихъ христіанъ, но въ такой же мѣрѣ и на другія терпимыя въ странѣ исповѣданія; а кто знакомъ съ цадикизмомъ, какъ онъ представляется въ дѣйствительности, тотъ знаетъ, что авторитетъ цадиковъ держится и дѣятельность ихъ резюмируется такого рода поступками, которые въ силу указанныхъ законовъ составляютъ уголовныя преступленія. Такимъ образомъ, еслиъ мысль о гражданскомъ равенствѣ евреевъ съ остальнымъ

населеніемъ достаточно глубоко проникла въ умы нашихъ исполнителей закона, то нѣть сомнінія, что упомянутые законы были бы примѣнены къ цадикамъ во всемъ своемъ объемѣ, и кто знаетъ, какое вліяніе могъ имѣть хоть одинъ подобный случай на умы еврейскаго населенія въ настоящее время, когда цадицизмъ держится уже гораздо больше въ силу рутины и того уваженія, которое вездѣ внушаетъ неразвитой массѣ существующій фактъ, чѣмъ по причинѣ внутренней необходимости и дѣйствительного *raison-d'etre*?

Впрочемъ, эти послѣднія замѣчанія нуждаются въ объясненіи. Могутъ сказать, что вмѣшательство государства въ дѣла религіозныя нираціонально, что въ этомъ отношеніи необходимо представить общество своимъ собственнымъ средствамъ, и что поэтому нужно заботиться не о репрессивныхъ мѣрахъ противъ цадицизма, такъ какъ подобныя мѣры никогда не достигаютъ вполнѣ своей цѣли, а о томъ, чтобы сдѣлать существованіе его невозможнымъ посредствомъ распространенія въ массѣ образованія, поднятія экономического ея уровня и т. под. мѣръ.

Возраженіе это, по нашему мнѣнію, неосновательно, и вотъ почему. Во первыхъ, коль скоро известный законъ существуетъ, то необходимо, чтобы онъ былъ примѣняемъ во всей строгости, ибо въ общемъ итогѣ, страна все таки гораздо больше выигрываетъ отъ точнаго исполненія всѣхъ вообще законовъ, чѣмъ отъ господства системы личнаго усмотрѣнія, при которой самые дорогіе интересы общества всецѣло зависятъ отъ индивидуальныхъ качествъ и вообще отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ. Во вторыхъ, такъ какъ вмѣшательство государства въ религіозныя дѣла евреевъ, какъ мы видѣли, уже существуетъ *de facto*, то не лучше ли, чтобы оно было обосновано *de jure*, чтобы мѣры, принимаемыя противъ цадицизма, были заимствованы изъ точныхъ и при томъ общихъ для всѣхъ гражданъ законовъ, чѣмъ носить характеръ мѣръ административныхъ, всегда случайныхъ, временныхъ и произвольныхъ? Кому неизвѣстно, что идеалъ внутренней политики цивилизованной страны заключается между прочимъ въ томъ, чтобы расширять кругъ дѣятельности положительного закона

и органа его— суда, съужая области дѣйствія личнаго усмотрѣнія и его органа — администрації? И если принципъ этотъ вѣренъ вообще, то онъ не можетъ не быть вѣрнымъ и относительно еврейскаго вопроса. Въ третьихъ, главное основаніе этого возраженія — теорія *laissez faire, laissez passer* — потеряла всякий кредитъ въ современной общественной наукѣ. Теорія и практика сходятся теперь въ томъ, что понятіе невмѣшательства, какъ чисто отрицательное, не должно служить основаніемъ для дѣятельности государства въ отношеніи къ своимъ гражданамъ. Задача государства, по выводамъ новѣйшей европейской мысли, состоитъ не въ томъ, чтобы быть безучастнымъ зрителемъ въ великой борьбѣ за существованіе между отдѣльными классами населенія и спокойно смотрѣть на то, какъ болѣе сильные (духовно или материально) поглощаютъ слабыхъ на трапезѣ жизни, а напротивъ въ томъ, чтобы подать руку помощи болѣе слабой сторонѣ, по возможности оберегая бѣдность, невѣжество и легковѣrie отъ эксплуатациіи превосходящей физической и моральной силы. Съ этой точки зрењія очевидно, что такое явленіе какъ цаддикізмъ не можетъ оставаться въ контролѣ и цензуры государства, которое не должно оставаться бездѣятельнымъ въ виду систематической эксплуатациіи несчастной массы еврейского населенія. Наконецъ для правильной оцѣнки нашей точки зрењія на этотъ предметъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее. Задача настоящаго очерка заключается не въ томъ, чтобы изслѣдовать насколько юридическій быть русскихъ евреевъ хороши и разуменъ *an und für sich*, но указать въ какой мѣрѣ онъ способствуетъ или мѣшаетъ объединенію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Исходя изъ той точки зрењія, что объединеніе это возможно лишь послѣ устраненія всѣхъ вѣшнихъ къ тому препятствій, мы считаемъ себя вправѣ смотрѣть на каждое уклоненіе отъ общихъ началь права въ отношеніи къ евреямъ какъ на явленіе ненормальное, противорѣчащее видамъ национальной политики по обрученію инородцевъ. Какъ граждане Россіи мы конечно заинтересованы въ томъ, чтобы начала, управляющія ходомъ нашей государственной и общественной жизни были по возможности болѣе совершенны и разумны; но какъ евреи мы добиваемся только од-

ного—равенства съ другими національностями и въроисповѣданіями, независимо отъ того, выгодно ли для насъ или нѣтъ это равенство въ каждомъ данномъ случаѣ. Мы не хотимъ никакихъ изъятій и привилегій, будь то *privilegia favorabilia* или *odiosa*. Съ этой точки зрењія мы одинаково возстаемъ какъ противъ тѣхъ ограничительныхъ законовъ, которые стѣсняютъ евреевъ въ самыхъ насущныхъ нуждахъ и правахъ человѣка, такъ и противъ той свободы религіознаго быта, которая даетъ просторъ цаддикизму, противъ свободы народнаго образованія съ безобразнымъ меламедствомъ, свободы самоуправленія (на уродливыхъ началахъ) съ гнетомъ общинъ надъ личностью, свободы семейнаго быта со многими устарѣвшими и чрезвычайно стѣснительными явленіями, свободы отъ наказаній за извѣстныя дѣянія, которыхъ у другихъ классовъ населенія признаются преступными и т. д.

VIII.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ юридической быть русскихъ евреевъ въ отношеніяхъ его къ законодательству и практикѣ государственной жизни и, кажется, не безъ основанія заключили, что отношенія эти далеко не благопріятствуютъ обрученію евреевъ, и что на этомъ поприщѣ остается еще очень много дѣлать, прежде чѣмъ можно будетъ говорить объ упроченіи въ средѣ евреевъ русскаго національнаго элемента. Но это только одна сторона вопроса, правда очень важная вездѣ, въ особенности же у насъ, гдѣ государственный элементъ значительно преобладаетъ надъ общественнымъ и почти поглощаетъ этотъ послѣдній, — но все таки не единственная. Дѣло въ томъ, что какъ бы многосторонна и разнообразна ни была дѣятельность государственной власти въ извѣстной странѣ, она никогда не можетъ обнять народную жизнь со всѣхъ сторонъ. Въ сфере экономической производительности, общинной жизни и умственнаго быта всегда найдется очень много такого, что ускользаетъ отъ контроля государства и зависить всецѣло отъ самодѣятельности народа. Между прочимъ, вѣковая работа подчиненія себѣ однѣхъ національностей

другими, болѣе жизненными и развитыми, какъ показываетъ исто-
рія, совершается преимущественно силами и средствами самого пре-
обладающаго племени, а не государства. Чтобы не ходить далеко за
примѣрами укажемъ на русскую колонизацію съверо-востока европ-
ейской Россіи, Сибири и Кавказа. Съ давнихъ временъ славяно-
русское племя, въ лицѣ своихъ выходцевъ, подчиняло себѣ много-
численныя финскія и татаро-турецкія племена, населявшія обшир-
ную территорію, вошедшую постепенно въ составъ европейской и
азіатской Россіи. Все это совершилось безъ помощи и даже безъ
вѣдома государственной власти, которая потомъ только санкциони-
ровала труды народныхъ дѣятелей (лучшій примѣръ этого рода
представляетъ покореніе Сибири Ермакомъ) и пользовалось имъ.
Очевидно, что и по отношенію къ евреямъ русское общество мо-
жетъ сдѣлать гораздо больше для распространенія между ними эле-
мента русской народности, чѣмъ правительство, которое не можетъ
такъ глубоко проникать въ частную жизнь каждого инородца, какъ
окружающее его русское населеніе. Понятно поэтому, что до тѣхъ
поръ пока будетъ продолжаться существующій порядокъ вещей, при
которомъ евреи будутъ устраниены еще вездѣ, гдѣ преобладаетъ
русскій элементъ, а тамъ гдѣ живутъ евреи элементъ этотъ не су-
ществуетъ,—взаимодѣйствіе между русскимъ и еврейскимъ насе-
леніемъ въ смыслѣ ихъ сближенія оказывается невозможнымъ. Вотъ
почему мы не перестаемъ утверждать, что важнейшими мѣрами къ
обрученію евреевъ мы считаемъ тѣ, которые хотя не направлены
непосредственно къ этой цѣли, но ставить еврейскую массу въ
возможность сливаться съ русскимъ населеніемъ. Между такими мѣ-
рами первое конечно занимаютъ тѣ, которые расширяютъ
пределы осѣдлости евреевъ, отодвигая эти предѣлы за черту быв-
шихъ польскихъ владѣній. Такимъ образомъ если разглагольство-
ванія о необходимости обрученія евреевъ, которые такъ часто раз-
даются теперь со всѣхъ сторонъ, были выражениемъ искренняго
желанія если не массы русского народа, то по крайней мѣрѣ наи-
болѣе развитой его части, нѣть сомнѣнія, что указанныя мѣры къ
возвращенію евреевъ въ сердца Россіи встрѣтили бы радушный прі-
емъ и всевозможное содѣйствіе со стороны русского общества. На-

дѣлъ же мы видимъ совсѣмъ не то. Большинство относится къ переселенію евреевъ изъ окраинъ въ центральную Россію скорѣе индифферентно, съ свойственнымъ русскому народу не то благодушіемъ, не то равнодушіемъ, чѣмъ фчувственно. Но бываютъ частенько случаи, гдѣ общество заурядъ съ администрацией стѣсняетъ и парализуетъ дѣйствіе льготныхъ для евреевъ законовъ о жительствѣ. Когда русскій человѣкъ оставляетъ на время свою исконную обломовщину и задаетъ себѣ трудъ оцѣнить значеніе такого факта, какъ поселеніе евреевъ во внутреннихъ губерніяхъ, то онъ скорѣе приходитъ къ неблагопріятному воззрѣнію на это дѣло, чѣмъ на обратъ. Достойно замѣчанія, что за разселеніе евреевъ по всей Россіи высказываются русскіе люди западнаго и южнаго края. Они при этомъ исходятъ изъ той точки зреянія, что при разселеніи этого евреи, какъ всякий другой ядъ въ малыхъ дозахъ, не будутъ такъ вредно влиять на русскій организмъ. Высокія разсужденія объ обрученіи евреевъ при этомъ служатъ только благовидной маской затаенному желанію избавиться поскорѣе отъ назойливыхъ жидовъ. Изъ внутреннихъ же губерній часто раздаются голоса въ противоположномъ смыслѣ. Вотъ какъ напримѣръ говоритъ смоленскій корреспондентъ «Виленскаго Вѣстника» о «наплывѣ къ намъ гражданъ цѣлаго міра, которыми мы теперь такъ широко обласканы и по совѣсти значительно встревожены, особенно городское и торговое сословіе (еще-бы!)... Смотрите, какой богатой струей нахлынули къ намъ незванные гости! Къ тому же плотина эта открыта настежь, во всю ширину; всякий ремесленникъ ныряетъ въ нашу струю, а кто же—не только изъ гибкихъ евреевъ, но даже и изъ нась православныхъ — не ремесленникъ.. Но пусть бы при этихъ ремеслахъ и осталось нашествіе, такъ нѣтъ—ремесленники тотчасъ же всѣ превратились въ промышленниковъ, и какъ города, такъ и села успѣли въ короткое время восчувствовать всю тяготу и худобу, вслѣдствіе процвѣтанія у нась еврейскихъ ремесль и художествъ... Самой завѣтной идеей нашихъ пришельцовъ можно назвать самое зудящее ихъ желаніе—стать положительными гражданами городовъ, преимущественно съ правомъ открытія въ нихъ магазиновъ, лавокъ, заводовъ и фабрикъ. Богъ знаетъ, куда потѣ-

снится тогда русскій купецъ и мѣщанинъ, и не повторится ли съ нимъ исторія толедскихъ гражданъ» (Виленскій Вѣстникъ 1870 г. № 63).

Такого рода разсужденія конечно не новы. Лѣтъ сто тому назадъ, не говоря уже о болѣе отдаленномъ времени, императрица Екатерина, въ отвѣтъ на вопросъ одного иностранца о евреяхъ въ Россіи, выразила мнѣніе, что «дозвolenіе имъ жить въ Россіи можетъ нанести большой ущербъ нашимъ мелкимъ торговцамъ, ибо эти люди забираютъ въ свои руки все, и можетъ быть, что ихъ поселеніе больше возбудило бы неудовольствій, чѣмъ принесло пользы»¹⁾). И между тѣмъ сама императрица, какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ другомъ сообщаетъ, что при обсужденіи въ сенатѣ вопроса о допущеніи евреевъ въ Россію, мѣра эта всѣми принята за полезную! Источникъ такого рода выходокъ не трудно распознать. «Когда Пиѳагоръ открылъ свою теорему, говоритъ Берне, онъ принесъ жертву богамъ гекатомбу: съ тѣхъ поръ быки дрожать каждый разъ, когда на свѣтъ выходитъ новая истинна».

Не надо долго прислушиваться къ напѣвамъ «Виленскаго Вѣстника», чтобы различить въ нихъ мотивы того бычачьяго дрожанія, о которомъ говоритъ Берне. Опасеніе за эгоистические, монопольные интересы небольшаго класса торговцевъ, интересы грубо смѣшиваемые съ пользами всего населенія, проглядываетъ здѣсь на каждомъ шагу. Но для насъ важно теперь не то, насколько такой взглядъ человѣченъ и разуменъ самъ по себѣ, а какъ проявленіе той отчужденности отъ евреевъ, которая дѣлаетъ обрусеніе ихъ пу-

¹⁾ Мѣсто это заимствовано изъ недавно обнародованной г. Щебальскимъ (въ 6 книжкѣ «Зари» за 1870 г., въ статьѣ: Екатерина II какъ писательница) рукописи Екатерины II подъ заглавіемъ: *Questions et r ponces*, относящейся, по мнѣнію издателя, къ 1774 — 1783 гг. Вотъ что говорится въ ней между прочимъ еще о евреяхъ: «Въ Петербургѣ есть 3 или 4 еврея съ давнихъ поръ; они терпимы вопреки закона: дѣлаютъ видъ, какъ будто ихъ не замѣчаютъ. Я имѣла исповѣдника (*confesseur* въ текстѣ), у которого они помѣщались. Въ 1762 г. шла рѣчь о допущеніи ихъ въ Россію, но какъ предложеніе было сдѣлано не въ удобное время, то дѣло осталось въ прежнемъ состояніи». (Заря, I т., стр. 6).

стымъ звукомъ безъ содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, накидываться съ ожесточенной злобой на «незваныхъ гостей и пришлецовъ» и въ то же время упрекать ихъ за то, что они считаютъ себя чужими среди людей, которые на нихъ такъ смотрять — для этого нужна смѣлость особаго рода. Къ такому же выводу приведетъ нась и другой фактъ. Для каждого должно быть ясно, что истинное обрученіе евреевъ совершится лишь тогда, когда русскій народъ привыкнетъ смотрѣть на евреевъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ на русскихъ гражданъ. Это главнымъ образомъ должно проявиться въ томъ, чтобы русское общество словомъ и дѣломъ обнаружило такое же участіе къ интересамъ и нуждамъ всѣхъ евреевъ вообще и каждого въ отдѣльности, какое мы замѣчаемъ напр. во Франціи, образцовой странѣ поглощенія евреевъ господствующей народностью. Не знаемъ, суждено ли этому сбыться когда нибудь, но знаемъ, что пока мы неизмѣримо далеки отъ этой цѣли, въ чемъ не трудно убѣдиться на каждомъ шагу. Укажемъ на примѣръ самый крупный и потому болѣе бросающійся въ глаза.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ еврейское населеніе сѣверо-западнаго края переживаетъ очень тяжелый экономическій кризисъ, послѣдствіемъ котораго были голодъ, болѣзни и всевозможная страданія. Положеніе евреевъ тамъ до сихъ поръ не перестаетъ напоминать собой Ирландію въ эпохи, пріобрѣвшія себѣ такую печальную известность. Въ такие критическіе періоды всего ярче обрисовывается истинное положеніе народа, подвергающагося подобнымъ испытаніямъ; вотъ почему мы считаемъ это время удобнымъ и для наблюдений относительно вопроса объ обрученіи евреевъ; мы именно находимъ весьма поучительнымъ отношеніе русскаго общества къ этому кризису. Отношенія эти весьма немногосложны и могутъ быть охарактеризованы однимъ выражениемъ: полнѣйшее равнодушіе. Въ самомъ дѣлѣ, не только ни одна рука помощи не была протянута несчастнымъ изъ лагеря тѣхъ, которые не упускаютъ случая упрекнуть ихъ въ равнодушіи къ общимъ интересамъ страны, но даже ни одинъ органъ общественнаго мнѣнія не коснулся этого предмета, ни одинъ не помянулъ о нихъ словомъ состраданія или участія; точно будто евреи не суть вовсе граждане страны, не несутъ тя-

гостей государственной жизни и не заслуживают никакого внимания со стороны русского общества, даже либеральной его части! И это въ то время, когда еврейское население дѣлало нечеловѣческия усиленія для борьбы съ голодной смертью; когда во многихъ общинахъ, вслѣдствіе нищенскаго состоянія большинства членовъ, доходило до такихъ контрибуцій на богатыхъ членовъ, которые смахивали на всеобщій раздѣль имуществъ; когда не только евреи со всѣхъ концовъ міра, отъ Англіи до Алжира, отъ Калифорніи до Австралии, спѣшили облегчать положеніе страждущихъ, но даже христіане въ чужихъ странахъ не оставались совершенно къ нимъ безучастными! Но спрашивается: если голодающей массѣ народа выказываютъ полное равнодушіе къ ея нуждамъ, если ей говорить такимъ образомъ: «ты можешь бороться съ своимъ врагомъ собственными силами, какъ и чѣмъ хочешь, можешь обращаться за помощью къ своимъ единовѣрцамъ или просто друзьямъ въ чужихъ краяхъ, но на твоихъ ближайшихъ сосѣдей не расчитывай; они ничего не знаютъ и знать не хотятъ о томъ, что у тебя тамъ дѣляется;» — то можно ли ожидать отъ такого образа дѣйствій другаго результата, чѣмъ тотъ, который замѣчается въ дѣйствительности? И можно ли, при малѣйшей долѣ безпристрастія, упрекать бѣдную народную массу въ томъ, что она понимаетъ факты такъ, какъ они представляются ея здравому смыслу и выводить изъ нихъ заключенія, хотя не совсѣмъ пріятныя, но не лишенныя горькой истины? А вѣдь въ подобныя эпохи складывается на долго нравственная физіономія и характеръ переживающихъ ихъ народностей, и нужно много времени и многихъ благопріятныхъ условій для того, чтобы сладить съ національного типа уродливые наросты, остающіеся въ наслѣдство отъ подобныхъ критическихъ periodovъ въ судьбахъ народовъ.

Слѣдовательно, если находятся господа, которые считаютъ возможнымъ предоставить известный классъ людей на произволъ очень неблагосклонной къ нему судьбы и въ тоже время требовать отъ него какой-то идеальной преданности, какого-то непонятнаго влечения къ тѣмъ, которые очень холодно отъ него сторонятся, когда этого менѣе всего слѣдовало; то, кажется, что входить съ такими

людьми въ серьезную полемику совершенно излишне. «Когда приходится доказывать людямъ вещи вполнѣ ясныя сами по себѣ, говорить Монтескье, то можно быть заранѣе увѣреннымъ, что трудъ пропадаетъ даромъ;» ибо въ такомъ случаѣ очевидно, что причина непризнанія подобной истины кроется въ чёмъ хотите, только не въ убѣженіяхъ, и потому перемѣнить такой взглядъ логическими доводами невозможно. Сказанаго довольно, чтобы уяснить, какъ мало желанія обнаруживаетъ русское общество сдѣлать серьезный и крупный шагъ (объ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ исключеніяхъ, мы не говоримъ) къ сближенію съ евреями, несмотря на то, что обѣ обруセンіи ихъ такъ много говорится въ послѣднее время.

Но одного желанья, еслибъ оно и было, еще недостаточно. Необходимо имѣть для исполненія такой задачи значительный запасъ нравственныхъ и материальныхъ средствъ.

Въ какой мѣрѣ Россія располагаетъ подобными средствами для подчиненія еврейской національности—объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Въ той нѣсколько длинной цѣпи фактовъ и размышлений, при помощи которыхъ мы старались въ предыдущихъ статьяхъ разъяснить положеніе дѣла обѣ обрусеніи евреевъ, мы дошли наконецъ до послѣдняго ея звена—именно къ вопросу о томъ, какимъ запасомъ силъ располагаетъ самъ русскій народъ, независимо отъ дѣятельности государственной власти, для хорошаго исполненія своей роли въ этомъ важномъ историческомъ актѣ. Другими словами это значитъ вотъ что. Русское общество (ибо нельзя же отрицать, что патріотическая, обрусительная часть нашей печати служитъ органомъ мнѣній извѣстной части общества) негодуетъ на евреевъ за то, что они еще сохранили слишкомъ много чертъ самостоятельной, обособленной національной жизни и слишкомъ мало усвоили себѣ особенности русской народности. Но вѣдь слияніе двухъ народностей или поглощеніе одной изъ нихъ другой, по самому свойству своему, очевидно, есть актъ двусторонній, результатъ взаимодѣйствія двухъ неравномѣрныхъ величинъ, изъ которыхъ одна, большая, покоряетъ себѣ меньшую, подчиняя ее своему культурно-историче-

скому типу. Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ обоюдномъ и взаимномъ воздействиіи двухъ сторонъ, основное начало юридической, какъ и всякой другой, логики требуетъ, чтобы права и обязанности были распределены между обѣими сторонами правильно и соразмѣрно. Отсюда слѣдуетъ, что если результаты этого взаимодѣйствія почему-либо окажутся неудовлетворительными и несоответствующими справедливымъ ожиданіямъ, отвѣтственность за это должна падать на одну сторону только въ томъ случаѣ, если она одна виновна въ этихъ неблагопріятныхъ результатахъ, т. е. если другая сторона могла и хотѣла исполнить, и затѣмъ дѣйствительно исполнила все лежавшее на ея обязанности, но встрѣтила противодѣйствіе или бездѣйствіе съ противной стороны. Юридическое начало *ad impossibilia nemo oblicatur* (никто не можетъ обязаться къ невозможному), будучи выражениемъ здраваго смысла, категорическимъ императивомъ человѣческой природы, столь же вѣрно въ области права, какъ и во всякой другой сферѣ человѣческой дѣятельности. Поэтому, когда одна сторона оказывается несостоятельной въ исполненіи своихъ юридическихъ, гражданскихъ и политическихъ обязанностей, другая сторона имѣеть право упрекать ее въ этомъ только въ томъ случаѣ, если она сама исполнила все необходимое для достижениія предположенной цѣли. Значитъ русское общество только въ такомъ случаѣ можно признать правымъ въ упрекахъ, дѣлаемыхъ имъ евреямъ за обособленность, если оно можетъ вполнѣ увѣренno сказать, что оно сдѣлало все отъ него зависящее для привлеченія къ себѣ евреевъ и натолкнулось на упорное съ ихъ стороны сопротивленіе. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Въ предшествовавшей статьѣ мы затронули одну весьма важную сторону этого вопроса, именно насколько русскій народъ выражаетъ въ словѣ и дѣйствіи искреннее желаніе исполнить свою политическую миссію по отношенію къ живущимъ въ средѣ его евреямъ. Мы видѣли, что желаніе это въ дѣйствительности или вовсе не существуетъ, или на столько слабо, что при столкновеніи съ узкими сословными и мѣстными интересами, могущими будто бы пострадать отъ эманципаціи евреевъ, обrusительные замыслы всегда уступаютъ очень легко этимъ болѣе реальнымъ, хотя менѣе возвышен-

нымъ соображеніямъ. Отсюда-то весьма естественное подозрѣніе, что толки о недостаточномъ обрученіи евреевъ никакъ не слѣдуетъ понимать въ прямомъ ихъ смыслѣ, какъ выраженіе желанія, чтобы всѣ инородцы въ Россіи слились въ одно прочное политическое цѣлое, а просто какъ уловку для удержанія *statu quo* относительно еврейского вопроса. Вся суть въ томъ, что господа, толкующіе себѣ обѣ обрученіи евреевъ въ духѣ «Голоса» и его провинціальныхъ прихвостней, имѣютъ въ виду не то, чтобы достигнуть такъ или иначе этого обрученія, а чтобы быть въ состояніи колоть евреямъ глаза теперешнимъ неудовлетворительнымъ положеніемъ этого дѣла и такимъ образомъ затормозить ходъ эманципаціи евреевъ. Но затѣмъ остается еще другая столь же важная сторона вопроса обѣ отношеніи русскаго народа къ дѣлу русификаціи евреевъ—насколько онъ способенъ исполнить эту задачу, предполагая даже полное желаніе съ его стороны ассимилировать себѣ еврейскую массу. Придерживаясь постояннаго нашего правила разрѣшать каждый встрѣчающійся вопросъ на основаніи не априорныхъ, но фактическихъ данныхъ и притомъ заимствованныхъ изъ сферъ по возможности болѣе близкихъ къ тѣмъ, о которыхъ идетъ рѣчь, мы и на этотъ вопросъ постараемся отвѣтить такимъ же образомъ, и отвѣтъ, къ сожалѣнію, нельзя считать благопріятнымъ для претензій нѣкоторой части русскаго общества относительно обрученія евреевъ.

Понятно, что на этомъ пути единственнымъ руководителемъ можетъ служить для насъ аналогія съ отношеніемъ русскаго народа къ другимъ чуждымъ народностямъ, съ которыми онъ сталкивается на своей территории. Мы не будемъ распространяться здѣсь о томъ, пріобрѣвшемъ такую печальную извѣстность въ послѣдніе годы, явленіи, что русскій элементъ до сихъ поръ не былъ въ силахъ одержать хоть легкую победу надъ инородными национальностями (мы имѣемъ въ виду польскую и нѣмецкую народности) тамъ, где онъ живутъ сколько нибудь сплошными массами. Каковы бы ни были причины этого страннаго явленія, несомнѣнно то, что русское общество въ своемъ стремлѣніи привить къ этимъ народностямъ формы и духъ русской жизни сознаетъ свою неспо-

собность вести это дѣло иль сколько успѣшио собственными средстами, и потому взваливаетъ всѣ обязанности и возлагаетъ всѣ надежды въ этомъ отношеніи на правительство, хотя задача эта, какъ мы уже замѣтили, по самому свойству своему вездѣ и всегда исполняется болѣе народомъ, чѣмъ государственной властью. А всякий согласится съ тѣмъ, что еврейская народность по развитію своихъ умственныхъ силъ, общественныхъ и бытовыхъ формъ, ближе всего подходитъ, относительно шансовъ и условій обрученія къ указаннымъ европейскимъ національностямъ. Слѣдовательно, недостаточное обрученіе евреевъ до настоящаго времени, находя себѣ подобіе и объясненіе въ политическихъ судьбахъ другихъ народностей въ Россіи, не должно никакъ насъ удивлять. Но мы дадимъ преимущество нашимъ противникамъ, согласимся, что евреи представляютъ такую же легкую добычу мирныхъ завоеваній, такой же гибкій матеріалъ для политическихъ экспериментовъ, какъ племена татаротуркскія, и посмотримъ, есть ли въ этомъ случаѣ основаніе укорять евреевъ, и притомъ однихъ евреевъ, въ національномъ эгоизмѣ, исключительности и нетерпимости къ русскому элементу. Племена, о которыхъ мы только-что упомянули, живутъ въ общеніи съ русскимъ народомъ гораздо болѣе близкомъ и продолжительномъ, чѣмъ евреи. Поэтому обрученіе ихъ, естественно, должно было достигнуть высшей степени, чѣмъ у евреевъ. Но дѣйствительность представляетъ намъ картину весьма неутѣшительную по этому предмету. Вотъ что писали недавно объ этомъ съ Кавказа въ одну изъ нашихъ газетъ. «Русскіе, какъ господствующее племя на Кавказѣ, разумѣется, имѣютъ въ своихъ рукахъ административный рычагъ; въ прочихъ же отношеніяхъ они стоять по-зади прочихъ народностей. Торговля находится почти исключительно въ рукахъ армянъ и грековъ, а отчасти татаръ и персовъ.

Русскіе принимаютъ въ ней самое скромное участіе. Языкъ торгового міра въ центрѣ Кавказа по преимуществу армянскій. Армяне пролагаютъ себѣ дорогу не въ одномъ только торговомъ мірѣ, но и въ администраціи, куда въ большинствѣ вносятъ свой кругъ міровоззрѣнія, общественныхъ отношеній. Вообще русскіе оказываютъ самое слабое вліяніе не только на армянъ, но и на

прочее населеніе Кавказа. Одни грузины подъ вліяніемъ русскихъ быстро теряютъ национальныя черты и подчиняются языку и общественному строю русскихъ. Замѣчательный фактъ, встрѣчающійся не на одномъ Кавказѣ, но и въ Крыму, тотъ, что русскіе даже на татаръ, живя въ сосѣдствѣ, не оказываются почти никакого вліянія. Татары занимаются торговой промышленностью, русскіе, соѣди ихъ, не въ состояніи съ ними соперничать, находятся большей частью въ зависимости отъ нихъ. Рѣдко можно встрѣтить татарина, говорящаго хорошо порусски, но за то почти всѣ русскіе, живущіе вблизи татарскаго населенія, говорятъ по татарски. Въ тоже время татаринъ, живущій не вдали отъ нѣмецкихъ колоній, говоритъ по нѣмецки, а въ сосѣдствѣ съ греками—по гречески. Русскій въ торговлѣ и промышленности рѣдко можетъ соперничать съ татариномъ, татаринъ съ армяниномъ, армянинъ съ грекомъ; но всѣ эти народности легко подчиняются своему торговому вліянію горцевъ. Горцы, грузины и отчасти русскіе привыкли исключительно къ домашней сельско-хозяйственной жизни: горецъ и среди русскихъ хороший хозяинъ и служитъ образцомъ часто для послѣднихъ. При заселеніи восточного берега чернаго моря русскіе колонисты совершенно опустили руки и не знали что дѣлать среди благодатной природы, неспособной производить рожь, хотя годную для прочихъ отраслей хозяйства. Приглашенные горцы быстро обзавелись хозяйствомъ и послужили образцомъ для колонистовъ русскихъ. Нельзя сказать, чтобы причина этого лежала въ незнаніи русскими мѣстныхъ условій хозяйства и промышленности. Греки, прѣѣзжающіе сюда, быстро богатѣютъ и развиваются свои торговыя операции, хотя они столько же знаютъ мѣстныя условія, сколько и мы... Особенно слабое сліяніе русскихъ замѣчается на горцахъ въ отношеніи языка... Въ настоящее время горцы въ большинствѣ производятъ официальную переписку въ аульскихъ судахъ на арабскомъ языкѣ... Вообще, нужно сказать откровенно—мы сами, русскіе, виноваты въ томъ, что обрусеніе туземцевъ идетъ медленно»¹⁾.

¹⁾ Современная Извѣстія 1870 г. № 140.

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же корреспондентъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ экономической роли иностранцевъ на Кавказѣ. «И теперь, говорить онъ, мы, приглашая къ себѣ чужеземцевъ, говоримъ имъ: «наша земля велика и обильна». Чужеземцы являются, хотя не съ цѣлью «княжить и владѣть нами», а просто понабить свои карманы; обзаводятся хозяйствомъ при нашей помощи, богатѣютъ, а мы остаемся все тѣми же, какими были до ихъ прихода. Тамъ гдѣ ты едва не умираешь съ голоду, тамъ нѣмецъ заводитъ фабрики, селится цѣлыми колоніями, а мы только дивимся, какъ это они дѣлаютъ». Онъ справедливо видѣтъ причину этой всеобщей несостоятельности русскихъ въ низкомъ уровнѣ народнаго образованія у насъ. «Пока въ русскихъ школахъ будетъ преподаваться одна церковная наука, имѣющая въ виду приготовить не дѣятельныхъ членовъ общества, а аскетовъ, имѣющихъ въ виду одно небесное, дотолѣ русскій народъ будетъ оставаться тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ при Владимірѣ святомъ»¹). Въ томъ же смыслѣ высказывается кавказскій корреспондентъ «Новаго Времени». «Русскій поселянинъ, пользуясь огромнымъ количествомъ земли, по большей части превосходной, разбогатѣлъ въ значительной степени. Но грубый и необразованный онъ пока не умѣеть пользоваться своимъ богатствомъ. Онъ понимаетъ одно наслажденіе—напивается постоянно пьянымъ и поить всѣхъ. Въ воздаяніе за это, кто только можетъ и хочетъ эксплуатируетъ его невѣжество. Единственное средство спасенія здѣшняго русскаго простолюдина лежитъ въ предоставленіи ему возможности самаго широкаго образованія»²).

Смысль этихъ данныхъ и свѣтъ, который они проливають на вопросъ объ обрусеніи евреевъ, слишкомъ ясны для каждого, чтобъ нуждаться въ нашихъ комментаріяхъ. Съ первого же взгляда бросается въ глаза чрезвычайное сходство даже въ подробностяхъ между отношеніями русской народности къ евреямъ и восточными инородцамъ. И здѣсь и тамъ въ рукахъ русскихъ находится одинъ

¹) Тамъ же № 154.

²) Новое Время 1870 г. № 150.

«административный рычагъ», тогда какъ во всемъ прочемъ они далеко отстоять отъ инородцевъ. Но здѣсь, какъ и тамъ, опытъ убѣждаетъ, что однимъ этимъ рычагомъ очень не много что сдвинешь съ мѣста, и что единственной гарантіей преобладанія русской народности можетъ служить только поднятіе уровня ея материального и умственного развитія. Мораль этой басни, которую не мѣшало бы зарубить на носу господамъ обrusителямъ, слѣдующая: просвѣщайте русскій народъ, улучшите его материальный бытъ и онъ безъ помощи канцелярскихъ щелкоперовъ и измыслимыхъ ими проектовъ съумѣть занять первенствующее мѣсто на своей землѣ; но пока вы этого не сдѣлаете, вашъ скрежетъ зубовный ни къ чему не поведеть и національное дѣло не подвинется ни на одинъ шагъ впередъ. Такимъ образомъ въ концѣ настоящаго очерка, послѣ многихъ разсмотрѣнныхъ нами подробностей, мы приходимъ къ развитію этой основной мысли, съ которой мы начали. Тамъ мы указали на то, что обрученію евреевъ могутъ способствовать преимущественно тѣ мѣры относительно ихъ, которыя, не имѣя въ виду прямо этой цѣли, основаны на свободныхъ и гуманныхъ началахъ общежитія. Здѣсь мы можемъ обобщить эту мысль и такимъ образомъ поставить дѣло еще вѣрнѣе: притягательная сила одной національности въ отношеніи къ прочимъ обусловливается не искусственными мѣрами, предпринятыми съ этой цѣлью, а внутренней крѣпостью этой народности, превосходствомъ ея культуры и общественныхъ формъ. Поэтому преобладаніе центростремительной силы надъ центробѣжной въ отношеніяхъ русскаго народа къ евреямъ будетъ достигнуто лишь тогда, когда онъ разовьетъ и развернетъ спящія въ немъ умственныя силы и получить дѣйствительный перевѣсь надъ ними. До тѣхъ же поръ отвѣтомъ на всѣ возгласы руссификаторовъ будетъ дантовская надпись на вратахъ ада—*lasciate ogni speranza* (оставьте всякую надежду).